

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА. ЧАСТЬ 2

Старая записная книжка

Петр Вяземский

Старая записная книжка. Часть 2

«Public Domain»

1852

Вяземский П. А.

Старая записная книжка. Часть 2 / П. А. Вяземский —
«Public Domain», 1852 — (Старая записная книжка)

«Милостивый государь! Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности, и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руках, с желанием писать. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли. Я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком...»

Содержание

Книжка 1. (1813–1819)	7
Книжка 2. (1813–1855)	11
Книжка 3. (1818–1828)	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Петр Вяземский

Старая записная книжка. Часть 2

Предисловие издателя Собрания сочинений П.А. Вяземского в 12-ти томах. СПб. 1878-1896:

IX том собрания сочинений, составляющий книжки 1-14 за 1813-1852 годы

В настоящем IX томе *Полного Собрания Сочинений князя П.А. Вяземского* начинается печатание доселе еще неизданных записных его книжек, коих в Остафьевском архиве сохранилось числом тридцать семь. Этот род своих произведений князь Вяземский назвал *Старой Записной Книжкой* и под заглавием «Выдержек» из нее печатал в *Московском Телеграфе* Полевого, в *Северных Цветах* барона Дельвига и в изданиях П.И. Бартенева *Русском Архиве* и *Девятнадцатом Веке*. Все напечатанное в этих изданиях вошло в VIII том *Полного Собрания Сочинений*.

Князь Вяземский не писал своих мемуаров методически, не вел аккуратно своих дневников; но то и другое заменяли у него письма и издаваемые ныне записные книжки. По внесенным в них первым записям они располагаются в следующем хронологическом порядке:

- Книжка 1-я (1813-1817).
- Книжка 2-я (1813, сюда вошли и позднейшие записи).
- Книжка 3-я (1818-1828).
- Книжка 4-я (1823).
- Книжка 5-я (1825-1827).
- Книжка 6-я (1828-1833).
- Книжка 7-я (1829).
- Книжка 8-я (1829-1830).
- Книжка 9-я (1832).
- Книжка 10-я (1834-1835).
- Книжка 11-я (1838, в двух частях).
- Книжка 12-я (1838, 1840, 1843).
- Книжка 13-я (1849-1851).
- Книжка 14-я (1850, 1852, 1861).

В X том войдут:

- Книжка 15-я (1853).
- Книжка 16-я (1853).
- Книжка 17-я (1853).
- Книжка 18-я (1853, 1854, 1856).
- Книжка 19-я (1854).
- Книжка 20-я (1854-1855).
- Книжка 21-я (1854-1856).
- Книжка 22-я (1855).
- Книжка 23-я (1857).
- Книжка 24-я (1858).
- Книжка 25-я (1858-1859).
- Книжка 26-я (1859-1860).
- Книжка 27-я (1859-1861).

Книжка 28-я (1863-1864).

Книжка 29-я (1864 и последовавших годов).

Книжка 30-я (1864 – 1865, в двух частях).

Книжка 31-я (1869).

Книжка 32-я (1875-1877).

На переплете последней книжки рукой автора написано: *Не раскрывать до моей смерти.*

Нужно при этом заметить, что некоторыми из старых книжек князь Вяземский пользовался для внесения в них новых записей.

Многому из этих записных книжек еще не наступило время для обнародования, и это *многое* послужит со временем одним из важнейших источников не только для биографии князя Вяземского, но и для истории русского общества и русского просвещения.

В своем Послании к ее величеству королеве Виртембергской Ольге Николаевне князь Вяземский сам определяет значение и содержание своей Старой Записной Книжки:

...Годов и поколений много,
Я пережить уже успел,
И длиною своей дорогой
Событий много подсмотрел.

Талантов нет во мне излишка,
Не корчу важного лица;
Я просто *Записная Книжка*,
Где жизнь играет роль писца.

Тут всякой всячины не мало
С бездельем дело, грусть и смех,
То похвала, то шутки жало,
Здесь неудача, там успех.

Вы с ласковым долготерпеньем,
С обычной прелестью своей,
Внимали разным откровеньям
Болтливой памяти моей.

Все перед Вами развивалось
Событья, люди, все что мог
Собрать я, все что записалось
В мой Календарь и Каталог.

6 января 1884 г. С.-Петербург.

Книжка 1. (1813–1819)

Милостивый государь! Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности, и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руках, с желанием писать.

Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли. Я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком.

В унынии я уже прощался с надеждой сказать о себе некогда хоть пару слов типографиям, прощался с надеждой получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: журналы! вестники! Мне навсегда закрыты к вам пути! Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных билетах, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородной страстью напоминать о себе вселенной!

Наконец, последняя книжка *Вестника Европы* под № 22 оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарей надежды и удовольствия. Мне открылась возможность приносить иногда жертвы на алтаре журналов: ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которыми, признаюсь вам чисто-сердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял неодолимому желанию чернить белую бумагу.

Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему несколькими тысячами душ.

Кто-то сказал, что когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения, дайте мне место в *Вестнике*, и я тогда с восторгом благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: *я нашел человека!*

Приказ Семену Гаврилову

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится яснее и приятнее, и что ты начинаешь знать, где ставится с и е. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду прислал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее перед миром, и который с удивительным своим дарованием грешит всегда против сих букв.

Но зато недоволен я твоими расходами; они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилович! Это стоит с, пекись о нем, но пекись и о доходах. Помни мое наставление: соединяй полезное с приятным. Притом же буква с гораздо милее в доходах, чем в расходах.

Еще одно слово: твой слог всегда шероховат; а сколько раз сказывал я тебе не брать себе в пример Шихматова. Вели мелом написать на дверях приказной избы:

Смотри, чтоб гласная спеша не спотыкнулась,
И с гласного другой в дороге не столкнулась!
Ты мягкие слова искусно выбирай,
А от сиянья злых как можно убегай.

И всякий раз, что возьмешь перо в пальцы, прочитывай три раза эти прекрасные строки, находящиеся в *Науке о Стихотворстве*, сочиненной Буало Депрео, и которую по дружбе своей к нему граф Дмитрий Хвостов сделал одолжение перевести с французского.

В прочем я здоров, но только немного простудился на днях в Беседе. Надеюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатанного, и тогда обещаюсь вам снять с вас оброк на два месяца, а если напишется много, то и на три. Молитесь Богу о том; вы, верно, не усердные воссылаете молитвы, потому что вот уже шестой год как я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинил. Но я не теряю надежды и жду помощи от Бога. Сенатор Захаров до старости не писывал стихов, а теперь вдруг написал оду, из которой можно сделать по крайней мере шесть.

Высылай скорее денег, я должен книгопродавцу 100 рублей и он мне отдыха не дает. Ты знаешь, как я люблю и уважаю книгопродавцев. Страшись моей к ним любви.

* * *

Из второго света

(Мое письмо к Тормасову, на маскараде, данном Прасковьей Юрьевной Кологривовой, в Москве)

Так как у нас календари не в употреблении, то не означаю ни числа, ни года.

От великого князя Георгия Владимировича, первопрестольные столицы градоначальнику графу Александру Петровичу Тормасову Грамота:

До меня дошло известие, что благополучно царствующий ныне потомок наш тебе вверил управление любезного сердцу моего города. Поздравляю и тебя с честью начальствовать в городе, освященном знаменитыми происшествиями, искупившем несколько раз погибающее отечество и жителей его, которыми предводительствует вождь, посевший под знаменами победы.

Построивши на берегах Москвы и Неглинной несколько деревянных лачуг, не думал я, что городок мой возрастет до высшей степени величия, на котором красуется теперь Москва, и станет наряду с богатейшими столицами света. Так, слава российского оружия, осветивши при начале своем соседние края, в участливые дни вашего столетия озарила отдаленнейшие земли и горит в глазах света незаходящим солнцем. С радостью услышали мы, что ревностное усердие твое восстановить город, на который обрушился жестокий и сильный неприятель, венчается успехом и что уже едва приметны следы пламенной войны.

Спасибо тебе за это! Москву надобно поддерживать и обогащать. Свое худо хвалить; но назло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России – Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он, может быть, и раскаивается, что затеял золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мной. Дело сделано. Дай Бог цвести в красоте и славе Петрограду (воля ваша, мы здесь старые русаки, не можем приучиться русский город называть немецким именем); но дай Бог здоровье и матушке Москве!

Признаюсь тебе в малодушии своем: охотно бы оставил я на некоторое время блаженное спокойствие, которым мы наслаждаемся, чтобы прийти поглядеть на свой городок, который, вероятно, не признал бы меня, так как и я узнал бы его по одним догадкам или предчувствиям родительского сердца. Охотно бы согласился, платя дань времени, нарядиться в кургузое ваше платье, хотя бы и не пришло оно ко мне к лицу и, переменяя ночь на день, на

масленице поглядеть на ваши игрища и полюбоваться красавицами и уважением, которым награждаются твои достоинства.

Сплетники нашего мира, потому что они и здесь завелись от вас, сказывали нам, что звание московского начальника недолговечное и что место это шаткое; но мы надеемся, что ты опровергнешь своим примером дурное обыкновение и увековечишь себя на этой степени так, что и после тебя будут прозывать хорошего начальника Москвы другим Тормасовым.

Бью челом и желаю тебе здоровья и хорошего продолжения хорошего начала.

* * *

И. И. Дмитриеву

Именем Лафонтена и всей шайки избранных писателей, отпущенных на упокой, делаю вам строгие укоризны за то, что вы покинули наше ремесло, которое поддерживалось вами в России.

Когда важнейшие занятия оспаривали право на ваше время и отечество требовало от вас иных услуг – мы молчали. Но теперь, когда отдых заменил деятельную и полезную жизнь, с горем и негодованием видим в вас неверного брата. Удовлетворите скорее справедливому требованию нашему и примите жезл владычества, похищенный в междоусобице лжецарями.

По старшинству лет ваш учитель, а по старшинству дарований ученик – Хемницер. Поля Елисейские.

* * *

Письмо (При посылке басен)

Покойный батюшка, учитель в здешней народной школе, писал стихи, но не отдавал их в печать потому, что несмотря на благодетельные следы отечественного просвещения, из российских городов не более десяти пользуются типографиями, а наш принадлежит к тому числу, который довольствуется читать еще по рукописям. Не худо, мне кажется, было бы выслать к нам из столиц отчаяннейших мучителей печати; пускай бы они здесь посидели на рукописном прокормлении, авось отстали бы от охоты прибирать слова к словам.

Но дело не о том, любимый род батюшки были притчи. Он часто говаривал: кто что ни сказывай, а скотов легче заставить говорить, чем людей. По крайней мере, не взыщут, если за них проврешься.

Притчи его, переписанные за несколько дней до кончины, были приумножены посвящением, но к кому, не знаю. Признаюсь в своем невежестве, я не батюшкин сын: он смотрел всегда в книги или на бумагу, матушка за учениками, которые были поболее ростом, а я за гусями, которыми город наш гораздо богаче, чем людьми. Оттого родитель мой мне никогда и не сказывал о своих упражнениях, и я никогда и не спрашивал о них.

Однако же в завещании родительском нашел его желание, чтобы все бумаги были пересланы в Петербург.

Один проезжающий сказывал мне на днях, что недавно учрежден комитет опекунов о арзамасских гусях наподобие того, который учрежден о жидах. Сему радостному известию обязан я сыновним удовольствием исполнить последнюю волю покойного родителя и

просить вас принять под свое покровительство притчи, единоплеменные гусям, с которыми совокупно повергаясь к ногам вашим, с истинным высокопочитанием пребуду навсегда ваш
нижайший слуга Ефрем Гусин.

Арзамас.

1-го апреля 1817 г.

Книжка 2. (1813–1855)

Остафьево, 5 августа 1813 г. Княжнин и Фон-Визин хотя и уважали друг друга, позволяли себе, однако же, шутить иногда один насчет другого. «Когда же вырастет твой Рослав? – спросил Фон-Визин однажды. – Он все говорит я *росс*, я *росс*, а все-таки он очень мал». – «Мой Рослав вырастет, – отвечал Княжнин, – когда вашего *Бригадира* пожалуют в генералы».

* * *

Многие не признают в Вольтере лирического дарования: но ода его на смерть императора Карла VI служит, мне кажется, убедительным опровержением сего несправедливого мнения.

Il tombe pour jamais, ce cedre, dont la tete
Defia si longtemps les vents et la tempete,
Et dont les grands rameaux ombrageaient tant d'etats

(Он пал навсегда, этот кедр,
Глава которого так долго противостояла ветрам и буре
И чьи большие ветви бросали тень на столько государств...)

И выражение, и самый механизм стихов означают лирика. По мне, в сей оде гораздо больше лирической поэзии, чем в оде Руссо *К Фортуне* и во всех торжественных одах Ломоносова.

* * *

Херасков в одном из примечаний к поэме *Пилигримы* говорит: «Брут, дерзкая трагедия Вольтера». Его трагедии не имели этой дерзости.

* * *

Озеров за первые свои успехи на театре должен был заплатить терпением и твердостью. Эдип, Фингал, Димитрий навлекали ему постоянно новых врагов. Поликсена вооружила всю сволочь на него, и он был принужден укрыться в Казань от своих бешеных зоилов. Он может сказать с Вольтером: «Si j'i fais encore une tragedie ou mirai je». (Если я напишу еще трагедию, куда мне бежать?)

* * *

– Знаете ли вы Вяземского? – спросил кто-то у графа Головина.

– Знаю! Он одевается странно. – Поди после гонись за славой! Будь питомцем Карамзина, другом Жуковского и других ему подобных, пиши стихи, из которых некоторые, по словам Жуковского, могут называться образцовыми, а тебя будут знать в обществе по какому-нибудь пестрому жилету или широким панталонам!

– Но это Головин, – скажете вы.

– Хорошо! Но, по несчастью, общество кишит Головиными.

* * *

Язык нашей Библии есть сербский диалект IX века. У них и до сей поры говорится: *хлад, град, глад*.

* * *

У нас прежде говорилось: *воевать неприятеля, воевать землю, воевать город*; воевать кого, а не с кем. Принятое ныне выражение двоямысленно. Воевать с пруссаками может значить вести войну против них, и с ними заодно против другого народа. Желательно было бы, чтобы изгнанное выражение получило снова право гражданства на нашем языке.

Сколько еще подобных выражений, слов значительных, живописных, оторванных от нашего языка не прихотливым, своенравным употреблением, но просто слепым невежеством. Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена. Не всякий имеет средство рыться в летописях, единственном хранилище богатства нашего языка, не всякий одарен потребным терпением и сметливостью, чтобы отыскать в них то, что могло бы точно дополнить и украсить наш язык.

Богатство языка не состоит в одном богатстве слов. Шихматов, употребив несколько дюжин или вовсе новых, или не употребляемых слов в своей лирической поэме, не обогатил нимало *казны* нашего языка. Бедняк нуждается хлебом, а скупец дает ему лед, оставшийся у него в погребе. Мне кажется, что Николай Михайлович, познакомивший нас со славою предков, должен был бы, оставя на время блестящее свое поприще для поприща тернистого и скучного, но не менее полезного согражданам, утвердить наш язык на незыблемых столбах не одним практическим упражнением, но теоретическим занятием. Критически исследовав деяния предков, исследовал бы он критически и язык их. Светильник истории осветил бы ему и мрак словесности и, озаряя нас двойным сиянием, рассеял бы он ночь невежества, в которой бродим мы по отечественной земле, нам незнакомой.

* * *

В женщинах мы видим торжество *силы слабостей*. Женщины правят, господствуют нами, но чем? Слабостями своими, которые нас привлекают и очаровывают. Они напоминают ваяние, представляющее Амура верхом на льве. Дитя обуздывает царя зверей.

* * *

«Прекрасный критик, – говорит Вольтер, – должен был бы быть художником, обладающим большими знаниями и вкусом, без предрассудков и без зависти. Такого критика трудно найти». О критике такого человека нельзя бы сказать:

La critique est aisee et l'art est difficile. (Критика легка – искусство трудно.)

* * *

Война 1812 года была так обильна спасителями Москвы, Петербурга, России, что истинному спасителю пришлось сказать: *Parmi tant de sauveurs, je n'ose me nommer*. (Не позволю присоединить к ним и свое имя.)

* * *

Туманский, издатель *Зеркала света* и *Лекарства от скуки и забот*, с товарищем своим Богдановичем (Богданович этот не был дядя *Душеньки* и вовсе не родня поэту) заспорили однажды в ученом припадке о слове *починить*, т. е. исправить. Туманский говорил, что надо писать *подчинить*. Богданович осмеливался уверять его, что пишется *починить*. Прибегли к третьему лицу, решившему их ученое прение.

Этот Туманский был после цензором и входил в доносы на Карамзина.

* * *

Дмитриев, жалуясь на Пименова (переводчика Ларошфуко и последнего питомца князя Б.Голицина), который посещал его довольно усердно – сидит два часа и ни слова не промолвит, – говорил, что он приходит держать его под караулом. Лебрэн о парижских Пименовых сказал:

O! la maudite compagnie
Que celle de certains facheux
Dont la nullite vous ennuie:
On n'est pas seul, on n'est pas deux.

(О, будь проклято общество несносных людей, ничтожество которых вам досаждают: вы и не в одиночестве, и не вдвоем.)

* * *

Тончи, сей живописец-поэт, соединивший замысловатую игривость итальянского воображения со смелостью и откровенностью гения древних, хотел изобразить Ахилла невредимым, но однако же без всех принадлежностей его. Он на охоте: Харон толкует ему свойства разных трав; Ахилл слушает его, опершись локтем на острие стрелы. Конец стрелы дотрагивается его руки, но не уязвляет, не входит в тело.

* * *

Говоря о блестящих счастливицах, ныне окружающих государя, я сказал: от них несет ничтожеством.

* * *

Головы военной молодежи ошалели и в волнении. Это волнение – хмель от шампанского, выпитого на месте в 1814 году. Европейцы возвратились из Америки со славою и болезнью заразной. Едва ли не то же случилось с нашей армией. Не принесла ли она домой из Франции болезнь нравственную, поистине *французскую болезнь*.

Эти будущие преобразователи образуются утром в манеже, а вечером на бале.

* * *

Апраксина называет нынешних генерал-адъютантов военными камергерами, а флигель-адъютантов – военными камер-юнкерами царского двора.

* * *

Волконский – Перекусихина нашего времени: он пробует годных в флигель-адъютанты.

* * *

Желтый Карла может научить шутить забавно: наша молодежь учится по нему тайнам государственных наук. Это *Кормчая книга* наших будущих преобразователей.

* * *

Куракина собиралась за границу.

– Как она не вовремя начинает путешествие, – сказал Растопчин.

– Отчего же? Европа теперь так истощена.

* * *

Карамзин говорит, что в наше время промышляют текстами из Священного Писания. Он же говорит, что те, которые у нас более прочих вопиют против самодержавия, носят его в крови и в лимфе.

* * *

Свободные мысли бывают у многих последним усилием и последним промыслом рабства и лести. Смотри *Северную Пчелу*.

Дмитриев так переводит стих Вольтера *Nous avoms les ramparts, nous avons Ramroneau* – У нас есть вал тверской, у нас есть и Валуев.

* * *

Кажется, Полетика сказал: в России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение.

* * *

Как странна наша участь. Русский силился сделать из нас немцев, немка хотела переделывать нас в русских.

* * *

Общее и разница между Москвой и Петербургом в следующем: здесь умничают глупость, там ум вынужден иногда дурачиться – под стать другим.

* * *

Фома Корнелий терял от брата Петра: от его имени ожидали совершенно великого. Глинка – русский офицер обязан брату, *Русскому Вестнику*, от его имени ожидали совершенно пошлого, и ожидание не вовсе оправдано.

* * *

Алкивиад отрубил хвост у своей собаки, чтобы дать пищу толкам черни и отвлечь ее внимание от настоящих его занятий. Поступки и слова Суворова, которые он пускал по городу, были его собака без хвоста. Нет ли больше хвастовства, чем ума, в этой поддельной жизни некоторых умных людей? К чему уловки хитрости Геркулесу, вооруженному палицей? Постоянная мысль – все побеждающая палица умственного силача.

* * *

Суворов говаривал: тот уже не хитрый, о котором все говорят, что он хитер.

* * *

Тот, который из тщеславия выказывает свою хитрость, похож на человека искусно замаскированного, но из хвастовства показавшего себя без маски, и опять ее надевающего с надеждой обманывать.

* * *

В свете часто скрытность называют хитростью. Разве можно назвать молчаливого лжецом, потому что он правды не говорит?

* * *

Дмитриев говорит, что с той поры, как у нас духовные писатели стараются подражать светским, светские просят в духовные.

* * *

Кажется, Шамфор говорил Рюльеру: дай срок, и мы ни одного слова невинным в языке не оставим. У нас Попов говорит князю Голицыну: дайте срок, ваше сиятельство, и мы ни одного текста живым не оставим.

* * *

Не довольно иметь хорошее ружье, порох и свинец: нужно еще искусство стрелять и метко попадать в цель. Не довольно автору иметь ум, мысли и сведения, нужно еще искусство писать. Писатель без слога – стрелок, не попадающий в цель. Сколько умных людей, которых ум вместе с пером притупляется. Живой ум на бумаге становится иногда вялым, веселый – скучным, едкий – приторным.

* * *

Мольер писал портреты мастерской кистью; о целых картинах его нельзя того сказать.

* * *

Хитрость – ум мелких умов. Лев сокрушает; лисица хитрит.

* * *

Линде полагает весьма вероятную причину единству сходства, заметному во всех именах дней недели на всех языках славянского племени и, напротив, разнообразию и смешению в именах месяцев. Первые не зависят от климата и могли остаться как были. Вторые по рассеянию славянских народов должны были соотнобразяться у каждого из них с климатом той страны, на которой они поселились.

* * *

При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о женевских возмущениях. «Да перестаньте, – сказал он, – говорить о буре в стакане воды». Павел мерил на свой аршин.

* * *

Иные люди хороши на *одно время*, как календарь на такой-то год: переживши свой срок, переживают они и свое назначение. К ним можно после заглядывать для справок; но если вы будете руководствоваться ими, то вам придется праздновать Пасху в страстную пятницу.

* * *

По первому взгляду на рабство в России говорю: оно уродливо. Это нарост на теле государства. Теперь дело лекарей решить: как истребить его? Свести ли медленными, но

беспреданно действующими средствами? Срезать ли его разом? Сзовите совет лекарей: пусть перетолкуют они о способах, взвешают последствия и тогда решитесь на что-нибудь. Теперь, что вы делаете? Вы сознаетесь, что это нарост, пальцем указываете на него и только что дразните больного тогда, когда должно и можно его лечить.

* * *

Законодатель французского Парнаса и, следственно, почти всего европейского сказал: *Un sonnet sans defect vaut seut un long poeme.* (Безупречный сонет стоит целой поэмы.)

Теперь и в школах уже не пишут сонетов. Слава их пала вместе с французскими каф-танам. Условная красота имеет только временную цену. Хороший стих в сонете перейдет и к потомству хорошим стихом; но сонет, как ни будь правилен, оставлен без уважения.

Сколько в людях встречалось *сонетов!* Острое слово, сказанное остряком, не состарилось, но сам остряк пережил себя и не имеет уже почетного места в обществе.

* * *

Увядаящая красавица перед цветущей не так смешна, как старый остряк перед новым. Мне сказывали, что в Берлине, во время эмиграции, Ривароль так заметал в обществе старика Буфлера, что тот слова не мог высказать при нем. Батюшков говорит о Хвостове Александре: он пятьдесят лет тому назад сочинил книгу ума своего и все еще по ней читает.

* * *

«Не завидуйте времени», — сказал Неккер в речи своей при открытии генеральных штатов.

* * *

...Возьмите слово *добродетель*; оно мнимый знак той мысли, которую обязано выразить. *Добродетели* должно бы иметь равное значение со словом *благодетель*. Одно время определяет, почитать ли слово фальшивой ассигнацией или государственной. Разумеется, что есть люди, предопределяющие определение времени. Пример их — право для современников и закон для потомства.

* * *

Вот доказательство истины замечания моего на слово *добродетель*. Сын Константина Павловича в чтениях своих сбивается в его смысле и всегда принимает в значении *доброго человека*, потому что слова *благодетель*, *содетель*, *свидетель* ему, вероятно, прежде стали известны.

* * *

Татищев в своем словаре 1816 года говорит: *Cartesianisme*: Картезианизм учение *Картезия*, его философия. Зачем не Декарта?

* * *

Тут же *folliculaire*: издатель периодических сочинений, журналов, газет; *страждущий желчью*. Откуда он это взял? Разве с Каченовского.

* * *

Везде обнаруживается *какая-то* филантропия, говорил Карамзин в статье: *О верном способе*. Если хотел бы с умыслом сказать на смех, то лучше нельзя.

Теперь везде обнаруживается *какая-то* набожность и *какая-то* свободномысленность.

* * *

Мы видим много книг: *нового издания, исправленного и дополненного*. Увидим ли когда-нибудь *издание исправленное и убавленное*. Такое объявление книгопродавцев было бы вывеской успехов просвещения читателей.

Галиани пишет: «Чем более стареюсь, тем более нахожу что убавить в книге, а не что прибавить. Книгопродавцам расчет этот не выгоден; они требуют изданий дополненных, и глупцы (потому что одни глупцы наперехват раскупают книги) того же требуют».

* * *

«Вы говорите о падении государств? Что это значит? Государств не бывает ни на верху, ни на низу, и не падают; они меняются в лице (*ils changent de physionomie*); но толкуют о падениях, о разрушениях, и эти слова заключают всю игру обманчивости и заблуждений.

Сказать: фазы государств (изменений) – было бы справедливее. Человеческий род вечен, как луна, но показывает иногда нам то одну сторону, то другую, потому что мы не так стоим, чтобы видеть его в полноте. Есть государства, которые красивы в ущербе, как французское государство; есть, которые будут хороши только в истлении, как турецкое; есть, которые сияют только в первой четверти, как иезуитское. Одно государство Папское и было прекрасно в свое полнолуние». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

«О достоинстве человека его век один имеет право судить, но век имеет право судить другой век. Если Вольтер судит человека Корнеля, то он нелепо завистлив; если он судил век Корнеля и степень тогдашнего драматического искусства, то мог он; и наш век имеет право рассмотреть вкус предыдущих веков.

Я никогда не читал примечаний Вольтера и Корнеля, хотя они на парижских каминах торчали у меня в глазах, когда вышли. Но мне раза два приходилось, в забывчивости, раскрывать книгу, и каждый раз бросал я ее с негодованием, потому что попадал на грамматические примечания, уведомляющие меня, что такое-то слово или выражение Корнеля не по-французски.

Также глупо было бы уверять меня, что Цицерон и Вергилий, хотя итальянцы, не так чисто писали по-итальянски, как Боккачио и Ариост. Какое дурачество! Каждый век и каждая земля имеют свой живой язык, и все равно хороши. Каждый пишет на своем.

Мы не знаем, что поделается с французским, когда он будет мертвым; но легко случиться может, что потомство вздумает писать по-французски слогом Монтеня и Корнеля, а не слогом Вольтера. Мудреного бы тут ничего не было. По-латыни пишут по слогу Плавта, Теренция и Лукреция, а не по слогу Пруденция, Сидония Аполинария, и проч., хотя, без сомнения, римляне были в IV веке более сведущи в науках астрономии, геометрии, медицине, литературе, чем во времена Теренция и Лукреция. Это зависит от вкуса; а мы не можем предвидеть вкусы потомства, если при том будет у нас потомство и не вмешается всеобщий потоп». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

«В Париже философы растут на открытом воздухе, в Стокгольме, в Петербурге – в теплицах, а в Неаполе возвращают их под навозом: климат им неблагоприятен». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

Не благотворите полякам на деле, а витийствуйте им о благотворении. Они так дорожат честью слыть благородными и доблестными, что от слов о доблести и мужестве полезут на стену...

И добродетели-то их все театральные! Оно не порок и показывает по крайней мере если не твердые правила, то хорошее направление. Робость, которая платит дань почтения мужеству, порок, который признает достоинство добродетели...

Наполеон совершенно по ним. Они всегда променяют солнце на фейерверк. Речь, читанная государем на сейме, дороже им всех его благодеяний. Бей их дома как хочешь, только при гостях будь с ними учтив. Нельзя сказать, что они *словолюбивы*, а *успехолюбивы*. Им не в том, чтобы дома быть счастливыми, а в том, чтобы блеснуть пред Европой. Политические Дон-Кихоты.

* * *

Величайшим лирическим поэтом и лучшим полководцем у греков были беоциане, а однако же обвиняли этот народ в глупости! Оттого ли, что не умели оценить сих двух великих мужей? (Мюллер. «Всеобщая история».)

* * *

Пугливые невежды – счастливое выражение Ломоносова (Петр Великий).

Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды.

* * *

«Раздавая места, они меньше заботились об интересах государства, чем о потребностях просителя». Можно подумать, что Мюллер не о персидской монархии говорит, а о нас. Сколько у нас мест для людей, и как мало людей на месте.

* * *

«Было волнение, но не было беспорядка, и обычное брожение свидетельствовало только о жизни политического тела» (Мюллер).

* * *

Quiris – дротик Сабинов, употребляемый после римлянами и доставивший им название квиритов (Muller).

* * *

Не употребляйте никогда нового слова, если нет в нем сих трех слов: быть нужным, понятным и звучным. Новые понятия, особенно же в физике, требуют новых выражений. Но заместить слово обычное другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить (Вольтер).

* * *

«Излишнее подражание гасит гений» (Вольтер).

* * *

Иные думают, что кардинал Мазарини умер, другие, что он жив, а я ни тому, ни другому не верю.

* * *

Вместо того, чтобы уничтожать страсти, стоикам надлежало бы управлять ими. Преподавая учение, слишком недоступное для людей обыкновенных, стоическая нравственность образовала лицемерие и возбудила сомнение в возможности достичь до столь высокой добродетели. Метафизика сих философов была слишком холодна; они разливали большой свет на нравственные истины, но не умели запалить чистый пламень, который пожирает зародыш пороков. Учение стоиков, оковывая страсти молчанием, без сомнения утверждало владычество рассудка; но оно не могло приверженцам своим внушить силу души, которая приводит в действие, и гибкость, приучающую поддаваться обстоятельствам; и варвары, завоевавшие Италию, нашли в ней людей, или ослабленных крайностью безнравственности, или граждан честных, но бессильных и не смелых (Muller).

* * *

Юлий Кесарь говорил о неприятеле своем Цицероне, что «расширить пределы человеческого ума – славнее, чем расширить пределы владений тленного».

* * *

«Будь счастлив как Август и добродетелен как Троян» – было в продолжении двух веков обыкновенное императорам приветствие от сената.

* * *

Один умный человек говорил, что в России честному человеку жить нельзя, пока не уничтожат следующих приговорок: «Без вины виноват», «Казенное на воде не тонет и в огне не горит», «Все Божие да Государево».

* * *

«Близ царя, близ смерти». Честь царю, если сия пословица родилась на войне! Горе, если в мирное время!

* * *

Ум любит простор, а не цензуру.

* * *

О девице NN говорят на всякий случай, что она замужем.

* * *

Какие трудности представились Екатерине II при вступлении ее на престол по крутой кончине Петра III! Как она долго колыхалась! Малейшее дуновение могло ее повалить. Она искренне и крепко оперлась на народ, и с той поры все грозы были бы против нее бес-
сильны. Ее престол, поддерживаемый миллионами людей, убежденных в выгоде его поддерживать, должен был быть неколебим и независим. Вот что княгиня Дашкова, ее приятельница, называла довольно забавно: «обрезать помочи настоящим ножом».

* * *

Август, будучи в Египте, велел раскрыть гробницу Александра. Его спросили, не хочет ли он раскрыть и гробницы Птолемеев. «Нет! – отвечал он, – я хотел видеть царя, а не мерт-
вцов!»

* * *

Сытый Сганарель думал, что вся его семья пообедала.

* * *

Феопомпий, Спартанский царь, первый присоединил эфоров к отправлению государствения; испуганное его семейство, говорит Аристотель, укоряло его в ослаблении могущества, предоставленного ему предками. «Нет! – отвечал он, – я передам его еще в большей силе преемникам, потому что оно будет надежнее».

* * *

Цари не злее других людей. Доказательство тому, что обыкновенно обижают они тех, которых не видят, чтобы угодить тем, которых видят. Несчастье в том, что ими видимые составляют малое количество, а невидимые толпу. Перенесите положение, и последствие будет иное. Царь посреди своего двора: он благодетельствует двору в ущерб народу. Поставьте его посреди народа, он будет покровительствовать народу, но не двору («Minerve Francaise» Бенжамена-Констана).

Беклешов толковал таким образом происхождение слова: *таможня* – *там можно*.

* * *

Французская острота шутит словами и блещет удачным прибором слов. Русская – удачным приведением противоречащих положений. Французы шутят для уха, русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру. Наши шутки все в лицах.

Русский народ решительно насмешлив. Послушайте разговор передней, сеней: всегда есть один балагур, который цыганит других. При разъезде в каком-нибудь собрании горе тому, коего название подается на какое-нибудь применение. Сто голосов в запуски перекрестят его по-своему. Прислушайтесь в ареопаге важных наших сенаторов и бригадиров: они говорят о бостоне или о летах, и всегда достается несколько шуток на долю старшего или проигравшего; шуток не весьма ценных, но доказывающих, по крайней мере, что шутка – ходячая монета у этих постных лиц, кажется, совсем не поместительных для улыбки веселости. Острословие крестьян иногда изумляет. Менее и хуже всех шутят наши комики.

* * *

Разговорные прения в гостиницах, за круглым столом, в толпе слушателей нетерпеливых не выслушать, а перебить вас, *сказать свое мнение*, где часто поборник ваш не только вас не слушает, но и не слышит... Вы пускаетесь не так, как в дорогу, чтобы от одного места дойти до другого, но как в прогулку. Дело не в том, чтобы дойти до назначенного места, а в том, чтобы ходить, дышать свежим воздухом, срывать мимоходом цветы. На бумаге ставишь межевые столбы, они свидетельствуют о том, что вы тут уже были, и ведут далее. В разговоре иль по прихоти, или с запальчивости переставляешь с места на место и оттого часто по долгом движении очутишься в двух шагах от точки, с какой пошел, а иногда и в ста шагах за точкой.

* * *

Бенжамена укоряли в непостоянстве политического поведения. Он оправдывался. «Правда, – отвечал он, подумавши, – я слишком круто поворотил. J'ai tourme trop court».

Впрочем, можно изменять людям и правительствам, по читая их за орудия, и не изменять своим правилам. Если все государственные люди шли бы по следам Катона, то во многих случаях общественные дела сделались бы добычей одних бездельников. «С большей гибкостью, – говорил Мюллер, – он был бы отечеству полезнее, но хартия истории не доставало бы характера Катона». Мы должны служить не тому и не другому, но той нравственной силе, коей тот или другой представителем. Я меняю кафтан, а не лицо. И если Бенжамен переносил свои мнения от двора Наполеона к двору Людовика и обратно, то может избежать он осуждения; но дело в том, чтобы переносил мнения, а не слова. Передаваться часто и их видом собственной корысти есть признак... [Недостает конца записи.]

* * *

Г-жа Сталь, говоря о поляках, сказала: «В них есть блеск, но ничего нет основательного. Я их скоро доканчиваю. Мне нужно по крайней мере двух или трех поляков на неделю». (Je les acheve vite; il m'en faut au moins deux ou trios per semaine.)

* * *

Стихи *Храповицкому* (Державина)... отличаются благородным чистосердечием, а два стиха:

Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить

одни стоят ста звучных стихов.

Державина стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века. Ничто не ускользнуло от его поэтического глаза.

* * *

Как герой полубарских затей имел своих арапов, так Польша имеет своих великих мужей. Поляки создали себе свою феогонию и жертвуют кумирам своих рук. Народу должно иметь своих героев. На них основывается любовь к отечеству.

Последним их краеугольным камнем был князь Понятовский, великий человек домо-рощенный.

* * *

Власть по самому существу своему имеет главным свойством упругость. Будь она уступчива, она перестает быть властью. Как же требовать, чтобы те, кои, так сказать, срослись с властью, легко подавались на изменения. Их, или им самим себя нужно переломить, чтобы выдать что-нибудь.

* * *

Граф Кобенцель накануне отъезда своего был так снисходителен, что согласился еще раз позабавить общество, маскировавшись курицей, которая защищает цыплят своих от нападений, угрожающих ее невинной семье!

* * *

Признаться, теперь не найдешь запаса такой веселости ни в министре, ни в царе. События остепенили умы: правителям труднее, но народам легче.

* * *

Душа республиканского правления – добродетель, монархического – честь, деспотического – страх. Светозарное разделение Монтескье. Здесь глубокомыслие кроется под остроумием. Сначала пленишься им, а после убедишься.

* * *

После ночи св. Варфоломея Карл IX писал ко всем губернаторам, приказывая им умертвить гугенотов.

Виконт Дорт, командовавший в Байоне, отвечал королю: «Государь, я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача; итак, они и я просим ваше величество употребить руки и жизни наши на дела возможные».

* * *

О Петрове можно сказать почти то же, что Квинтилиан говорил о Лукане: *Magis oratoribus quam poeris enumerandus* – Более оратор, нежели первоклассный поэт.

* * *

Боссюэт в первых своих проповедях был далек от Боссюэта в словах надгробных. В одном месте он говорит: Да здравствует Вечный (*vive l'Eternel*)! Детей называет постоянным рекрутским набором человеческого рода (*la recrue continuelle du genre humain*).

* * *

Если бы мнение, что басня есть *уловка рабства*, еще не существовало, то у нас должно бы оно родиться. Недаром сочнойшая отрасль нашей словесности – басни. Ум прокрадывается в них мимо цензуры. Хемницер, Дмитриев и Крылов часто кололи истиной не в бровь.

* * *

Что кинуло наше драматическое искусство на узкую дорогу французов? Худые трагедии Сумарокова. Будь он подражателем Шекспира, мы усовершенствовали бы его худые подражания англичанам, как ныне усовершенствовали его бледные подражания французам. Как судьба любит уполномочивать первенцев во всех родах. Не только пример их увлекает современников, но и самое потомство долго еще опомниться не может и следует за ними *слепо*.

* * *

Смелые путешественники сперва открывают землю, а после наблюдательные географы по сим открытиям издают о ней географические карты и положительные описания. Смелые поэты, смелые прозаики! Откройте все богатства русского языка: по вас придут грамматики и соберут путевые записки и правила для указания будущим путешественникам, странствующим по земле знакомой и образованной.

* * *

Людовик XVIII может сказать, как Валуа в Генриаде: Et quiconque me venge est Francais a mes ueux – Вся мстящий за меня, в душе моей француз.

* * *

Монморен, губернатор Оверни, писал к Карлу IX: «Государь, я получил за печатью вашего величества повеление умертвить всех протестантов, в области моей находящихся. Я слишком почитаю ваше величество, чтобы не подумать, что письма сии подделаны; и если, отчего Боже сохрани, повеление точно вами предписано, я также слишком вас почитаю, чтобы вам повиноваться».

* * *

Какой несчастный дар природы ум, восклицает Вольтер, говоря о исполинских красотах Гомера, если он препятствовал Ламоту их постигнуть, и если от него сей остроумный академик почел, что несколько антитез, оборотов искусных, могут заменить сии великие черты красноречия. Ламот исправил Гомера от многих пороков, но не уберег ни одной его красоты: он претворил в маленький скелет тело непомерное и чересчур дородное.

* * *

В Паскале, говорит Вольтер, находишь мнение, что нет поэтической красоты, что за неимением ее изобрели пышные слова, как: *бедственный лавр, прекрасное светило*, и что их-то и называют поэтической красотой. Что заключить из такого мнения, как то, что автор говорил о том, чего не понимал.

Чтобы судить о поэтах, нужно уметь чувствовать, нужно родиться с несколькими искрами того пламени, который согревает тех, кого мы знать хотим; равно как и для того, чтобы судить о музыке, не только мало того, но и вовсе недостаточно уметь математика рассчитывать соразмерность тонов, если притом не имеешь ни уха, ни души.

* * *

Вольтер говорит о Трисине: он идет, опираясь на Гомера, и падает, следуя за ним, срывает цветы греческого поэта, но они увядают от руки подражателя.

* * *

Среди всех наций наша – наименее *поэтична*. Вольтеру можно поверить, если и без него убеждение внутреннее не сказало того же всем тем, кои знакомы немного со свойствами поэзии, понятными чувству, но не поддающимися истолкованию правил и пиитики.

* * *

Сии примеры (т. е. Депрео и Расин), говорит Вольтер, отчасти приучили французскую поэзию к ходу чересчур однообразному; дух геометрический, завладевший в наши дни изящною словесностью, сделался еще новой уздой для поэзии. Наш народ, порицаемый за ветреность иностранцами, судящими нас по нашим щеголям, есть рассудительнейший из всех с пером в руке. Метода – отличительнейшее свойство наших писателей.

* * *

Если родился бы я царем, я желал бы иметь сверхъестественное средство сделать всякое преступление в царствовании моем невозможным. Что же за жестокий и мелкий был бы расчет, имея это средство, дать каждому подданному волю, чтобы после в день суда отличать неповинных от виновных.

* * *

Мумия одного из потомков Сезостриса уже несколько веков содержалась во внутренней зале большой пирамиды; она была облечена всеми царскими достоинствами и занимала место на престоле, где сидели его предки. Когда Мемфисские жрецы захотели явить ее народу на поклонение, она в прах рассыпалась; она уже не была в отношении с атмосферой и теплотой солнца.

* * *

Чтобы подтвердить мнение, что иностранцу редко можно судить безошибочно об отделке писателя, признаюсь, что я не догадался бы о несравненном превосходстве Лафонтена, когда не прокричали бы мне уши о том. Я крепко верю, что он для французов *неподражаем*, потому что все французы твердят это в один голос, а кому же знать о том, как не им? Но и без единодушного определения понял бы я достоинство лирика Руссо, ясность, рассудительность, точность Депрео, пленительную сладость Расина, мужество Корнелия, остроту Пирона. Дайте Державина имеющему только книжное познание в русском языке, и он не поймет, отчего мы красоты его почитаем неподражаемыми.

* * *

Не дай Бог, чтобы все словесности имели один язык, одно выражение: оно будет тогда вернейшим свидетельством, что посредственность стерла все отличительные черты. В обществе встречаешь пошлые лица, которые все на одно лицо. Образ гения может иметь черты,

сходные с другим, но выражение их открывает прозорливому взору физиономию совсем отменную.

* * *

4-го августа 1819 г.

Иные мгновенные впечатления не только живее, но и полнее долговременных размышлений. Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рощу Лазенки. Сей одинокий, неосвещенный замок, сие опустение в резкой картине явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа.

Я часто размышлял об участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходимости. Тут в первый раз Польша сказалась мне голосом поэзии. Я ужаснулся! И готов был воскликнуть: «Государь, восставь Польшу! Ты поступишь в смысле природы, если душа твоя встревожена была ощущением, подобным моему! Но если слепое самолюбие ставит тебя на степень восстановителя народа, оставь это дело. Ты не совершишь его во благо. Человеческое несовершенство проглянет в сем подвиге божественном, и ты вынесешь с поприща своего негодование России и открытый лист на осуждение потомства».

* * *

В одном письме к г-же Неккер Томас говорил о строгом суждении парижан о царе Леаре в трагедии Дюсиса:

«Деспотический приговор сих преподавателей вкуса сходствует немало с государственными постановлениями некоторых государей, кои, чтобы покровительствовать скудным заведениям отечественным, преграждают привоз изделий богатых мануфактур чуждого народа. Негодующие бедняки издают законы против богатств, коих у них нет, и гордятся потом экономической своей нищетой.

Иные говорят, что такие трагедии хороши только для народа. Мне кажется, что никогда гордость так унижена не была, как сим различием: ибо с одной стороны ставят нравственность и чувство; с другой – критику и вкус; сим последним отдается преимущество. Ничто, может быть, так хорошо не доказывает, что у просвещенных народов некоторый вкус усовершенствовался почти всегда в ущерб нравственности. Может быть, чем народ развращеннее, тем вкус его чище».

* * *

Суворов писал к адмиралу Рибасу: «Непобедимый Дориа! Для Вашего превосходительства настало время взять в плен преемника Барбароссы».

Преданнейший слуга

Ал. Суворов».

Он писал к человеку, которого подозревал в том, что он худо о нем говорил и обманывал его дружбу: «Я не знаю ваших несовершенств, но знаю ваши хорошие качества: сущность сношений, истина приличий, вот дружба (*realite de rapports, verite de convenance, c'est l'amitie*)».

* * *

Что такое за страсть, если она не страдание? Недаром говорят по-французски: *la passion de notre Seigneur*, а по-русски: страдания Господни. Любовь должно пить в источнике бурном: в чистом она становится усыпительным напитком сердца. Счастье тот же сон.

* * *

Запоздалые в ругательствах, коими обременяют они Вольтера, называют его зачинщиком французской революции. Когда и так было бы, что худого в этой революции? Доктора указали антонов огонь. Больной отдан в руки неискусному оператору. Чем виноват доктор? Писатель не есть правитель. Он наводит на прямую дорогу, а не предводительствует...

* * *

Шамфор людей дурачит, Ларошфуко их унижает, Вольтер исправляет их.

* * *

Жуковский похитил творческий пламень, но творение не свидетельствует еще земле о похищении с небес. Мы, посвященные, чувствуем в руке его творческую силу. Толпа чувствует глазами и убеждается осязанием. Для нее надобно поставить на ноги и пустить в ход исполина, тогда она поклоняется. К тому же искра в действии выносится обширным пламенем до небес и освещает окрестности.

Я не понимаю, как можно в нем не признавать величайшего поэтического дарования или мерить его у нас клейменым аршином. Ни форма его понятий и чувствований и самого языка не отлиты по другим нашим образцам. Пожалуй, говори, что он дурен, но не сравнивай же его с другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзия. Ты сбиваешься, ты слышал об одном стихотворстве. Ты поэзию разделяешь на шестистопные, пятистопные и так далее. Я тебе не мешаю: пожалуй, можно ценить стихи и на вес. Только сделай милость при мне не говори: поэзия, а – *стихотворство*.

* * *

Невежество не столь далеко от истины, как предрассудок (Дидерот).

* * *

Я никак не понимаю начало 3-й песни *Россияды*, из чего, однако же, заключать не должно, что берусь понимать начала и содержания других песен:

Уже блюстители Казанские измены
Восходят высоко Свияжски горды стены!
Сумбеке город сей был тучей громовой,
Висящей над ее престолом и главой,
И Волга, зря его, свои помчала волны,

Российской славою, Татарских страхом полны;
Ужасну весть ордам и о граде принесла;

Что значат *стены*, которые блюстители *Казанские измены*. *Город*, который *громовая туча*, и следственно город, который висел над ее престолом и головой. Где тут ясность? О поэзии Хераскова, как о смутном сновидении, никакого отчета себе дать не можно. Какая нить критики проведет по этому лабиринту слов, картин?¹

* * *

В народе рабском все понижается. Надобно стремиться выговором и движением, чтобы отнять у истины ее вес и обиду. Тогда поэты то же, что шуты при царских дворах. Презрение, которое к ним имеют, развязывает ум и язык. Или, если хотите, они походят на тех преступников, которые, представленные к суду, избегают наказания только тем, что притворяются сумасшедшими (Diderot de la poesie dramatique).

* * *

Я всегда люблю в многолюдном обществе мысленно допрашивать спины предстоящих, которые из них подались бы на палки? И всегда пугаюсь числом моих изысканий.

Я не говорю уже о спинах битых с рождения, а только о тех, кои торговались бы с палками и выдавали бы себя на некоторых условиях: иные щекотливые согласились бы с глазу на глаз; другие менее, но при двух или трех свидетелях.

Вот испытание, которое я, будучи царем, предлагал бы при выборах людей.

Как трудно с девственной спиной ужиться в обществе! Как собаки обнюхиваются и бегут прочь, когда ошибутся, так и битые тотчас, встречаясь с вами, обнюхивают вашу спину и, удостоверившись, пристают к вам или от вас отходят. Нет сомнения, что общежитие более или менее унижает души. Сколько людей, которые сквозь строй пробежали к честям и достоинствам. Как мало дошли до них нетронутые.

* * *

Не надобно уверять себя в *излишней* честности или твердости; но хорошо твердить себе: ты честен, ты тверд, – кончишь тем, что не захочешь прослыть лгуном в своих глазах.

Не говори трусу, что он излишне храбр, он тотчас тягу даст из осторожности; но уверяй его под пулями, что он стоит с благородным хладнокровием – он, вероятно, устоит на месте, или по крайней мере получасом позже наострит лыжи, и то при удобном случае.

* * *

Я ничего не знаю величественнее благородства души и твердости в правилах. Вот зрелище, достойное небес: человек, идущий шагами верными и без оглядки против мелких заговоров зависти, разрывающий одной силой своей сети коварства.

¹ Впоследствии под этой статьей рукою князя П.А. Вяземского отмечено: «Несправедливые придирки. Стихи не хороши, но не бессмысленны. 1836. 18 декабря». – *Примеч. издания 1884 года.*

Быть безмятежным под ударами рока есть дело благоразумия. Какие могут быть переговоры с врагом незримым и неодолимым? Но презреть врага, коего можно смешать хитростью, подкупить жертвованиями, вот дело великодушия.

* * *

Я никогда не позволил бы себе сыну своему сказать: угождай ближнему, а твердил бы: угождай совести! Любовь к ближнему должна быть запечатлена в сердце, благоговейное уважение к совести – в правилах.

* * *

Посади меня на Хераскова одного на две недели, меня от стихов будет тошнить. Он не худой стихотворец, а хуже. Чистите, чистите, чистите ваши стихи, говорил он молодым людям, приходившим к нему на советование... И свои так он чистил, что все счищал с них: и блеск, и живость, и краску.

* * *

Петров также иногда тяжел и всегда неправилен, но зато каждый стих его так и трещит. У Петрова стих трещит, у Хераскова др...

* * *

Меня можно назвать заваленным колодцем многих достопамятностей исторических.

* * *

Немцевич застал раз Лагарпа за переводом Камоенса.

«Как, – спросил он, – при скольких различных познаниях в науках и языках, вы еще нашли время и испанскому научиться?!»

«Видно, что вы молоды, – отвечал он, – как будто нужно знать язык, чтобы с него переводить. Хороший лексикон и ум, вот и все!»

* * *

– Высокомерие, сей нищий, который столько же громко взывает, как и нужда! – говорит Франклин.

* * *

Нет хуже этих либералов прошлого века, которые либеральничали, когда власть еще не тронута была; теперь, отставши от тех, которые власть обрезали, они видят в нынешнем образе мыслей мятеж и безначалие.

* * *

Несправедливо называть *холопами* царедворцев. В своих холопах найдется мало льстецов и суеверных обожателей господской власти. Напротив, таковых, если найдутся, приличнее называть царедворцами.

Вообще, в служителях домашних встречаешь какую-то врожденную независимость и недоброжелательство, которые могут быть очень неприятны для службы, но утешительны в отношении человечества, которое только с помощью противоестественных установлений научилось искусству рабствовать добровольно.

В доказательство, что порабощение не есть природное состояние человека, можно заметить, что каждый при случае умеет повелевать, но не каждый может повиноваться. Дух господства внушен человеку самой природой, данницей его различных требований. *Духом повиновения* заразился он в обществе, которого польза побуждает ослаблять его силы и умерить напряжение. Одно, польза общества; другое, польза лица частного.

Тайна правления в том и состоит, чтобы согласовывать, как можно более, ту и другую и в случаях необходимости пожертвований *части* в пользу *целого* призывать эту часть для общего соображения, как выдать нужную жертву с меньшим ущербом жертвоприносителя и большей выгодой жертвовзымателя. Тут и есть тайна представительства, которое как сфинкс пожрет всех Лайбахских тугоумцев, не умеющих разгадать его, и поднесет венцы Эдипам, постигнувшим его откровение.

* * *

Не довольно размышляют о том, что цари не могли наравне с народами подвигаться к просвещению соразмерно.

Без сомнения, Людовик XVIII не многим образованнее Людовика XIV, а Петр I, конечно, не уступил бы в познаниях Александру I. Но подданные первых двух царствований далеко отстают от современных, если не в художествах и изящной литературе, то во всем том, что составляет существенность гражданских сведений. Вот чего цари и спесивые их подмастерья никак понять не могут или не хотят и в чем, быть может, заключается главная причина разлады, господствующей в нынешних событиях. Писатели современные, пожалуй, и не превзошли предшественников, но читатели нынешние – рассудительнее и многочисленнее. И тогда все еще наш век превосходнее прошлых веков.

Живописна картина нескольких ветвистых гигантов, разбросанных по голой степи; но расчетливый хозяин дорожит более рощей ровной, но дружно посаженной деревьями сочными и матерыми.

* * *

Остафьево, 13 июня 1823

В сочинениях Мармонтеля находишь: *Des en faveur des paysans du Nord* («*Печь в защиту северных крестьян*»), писанный в 1757 году, для решения задачи, предложенной Обществом Экономическим в Петербурге о том. «Выгодно ли для государства, чтобы крестьянин обладал собственным земельным участком или только движимым имуществом? До какой степени может простираться право крестьянина на эту собственность, так, чтобы это было выгодно государству?»

Речь писана вообще с жаром, но в ней более риторства и философических видов, чем государственных. Мало применений к местности, мало дела. Рассуждая об опасении, чтобы крестьяне, освобожденные и приобретшие право владения, не нашли в чиновниках тиранов алчнейших, бесчеловечнейших и более надежных на безнаказанность, он говорит: «Во всех монархиях, где хотели оградить свободу, собственность, спокойствие, благоденствие народов, как в римской, китайской и у инков, следовали всегда одному и тому же средству. Везде видели, что судьи и приставы поселенные (постоянные) были податливы на подкуп — что, участвующие в применении, они вскоре делались их сообщниками. Тогда учредили суда подвижные и временных надсмотрщиков (у римлян назывались они *Curiosi*, у перуанцев *Cucuiricoe*, всевидящие, у французов — *Missi dominici*), кои везде чужие, не заводили никогда ни связей, ни привычек, и в поручении своем нечаянном и быстром не давали времени соблазну преклонить их строгость.

Полагая, что задача о собственности решена в пользу поселян, спрашивают: как далеко должно простираться сие право собственности для пользы государства? На это отвечаю: столь далеко, сколь способность приобретать. Увы! Какие другие пределы ставить благосостоянию того, который едиными трудами может обогатиться? Дай Боже, чтобы он надеялся вознестись до степени гражданина зажиточного и могущего приобретать в округе (выше в предположениях своих Мармонтель говорит, что на первый случай можно будет ограничить для поселянина право приобретения границами того округа, где он родился), в коем он родился, есть единое исключение, позволительное в законе. Всякая граница, предположенная соревнованию людей, сжимает их душу и опечаливает; в особенности же для надежды. Темница обширнейшая есть все же темница».

Это напоминает мне два стиха, гораздо до прочтения писанные:

И светлых нив простор, приют свободы мирной
Не будет для него темницею обширной.

* * *

Дмитриев в записках своих нарисовал портреты некоторых из своих современников по министерству и по совету, и между прочими регента Салтыкова, который был ему недоброжелателен и вероятной, главной причиной, что Дмитриев просился в отставку в то время, когда министры перестали докладывать лично.

На страстной неделе, в которую Дмитриев говел, попалась ему на глаза страница, означенная резкими чертами регента, и он, раскаявшись, вымарал главнейшие из своей тетради и из книги потомства! Движение благородное, или, лучше сказать, добродушное! Уважаю движение, но не одобряю. Писатель, как судья, должен быть бесстрастен и неослабодушен. И что же останется нам в отраду, если не будут произносить у нас, хоть над трупами славных, окончательного египетского суда.

Записки Дмитриева содержат много любопытного и на неурожае нашем питательны; но жаль, что он пишет их в мундире. По настоящему должно приложить бы к ним *словесные прибавления*, заимствованные из его разговоров, обыкновенно откровенных, особенно же в избранном кругу.

* * *

Довольно одного следующего параграфа, чтобы правительству нашему не разрешать выпуска «Истории Наполеона» В.Скотта: «Посредственные умы всегда придают рутине

такое же значение, как основным вещам; они судят о небрежности во внешнем виде так же сурово, как о дурном поступке. Французские генералы проявили свою гениальность в том, что восторжествовали в момент опасности над всеми предрассудками профессии, обладающей такой же педантичностью, как и все другие; они умеряли дисциплину согласно характерам их подчиненных и срочности обстоятельств.

Наши педанты, несмотря на победы республиканских генералов, посадили бы их под арест за каждое отступление. Что мне в храбрости ваших солдат, если они не умеют маршировать? Вот ответ, или смысл ответа, наших педантов».

* * *

О Фон-Визине. Перевод Тацита и намерение издавать журнал, на что не согласилась императрица Екатерина, недовольная им, вероятно, за бумагу, известную под названием: *О необходимости законов* (названием, данным ей не Фон-Визиным, а гораздо уже после; вероятно, Никитой Муравьевым, который сократил ее). Кажется, бумагу сию написал Фон-Визин по предложению Панина для великого князя Павла Петровича.

* * *

В императоре Павле были царские движения, то есть великодушные движения могущества. Они пленяли приближенных к нему и современников, искупая порывы иступления. Я видел слезы отца моего и Нелединского, оплакивающие Павла. Слезы таких людей – свидетельства похвальные.

* * *

Nouvelles de Jean Bocace. Traduction libre par Mirabeau. Paris, 1802, 8 томов. (Новеллы Жана Боккачио. Свободный перевод Мирабо)

Вероятно, перевод не Мирабо, по крайней мере о нем не упоминается в *Biographie des Contemporains* – «Биографиях современников», в статье Мирабо, в числе произведений, оставшихся от него. Есть перевод Тибулла, напечатанный под именем Мирабо, но и тот, по удостоверению биографии, составлен вместе с воспитанником его *Poisson de Lachabeaussiere*, сыном наставника Мирабо.

По этому переводу Боккачио нельзя судить о подлиннике; французы, по крайней мере давнишние, несносны своими офранцузенными, облагороженными переводами. Бог весть откуда нападут на них тогда целомудренные опасения, совесть. Вместо того нужнее было бы поболее смиренномудрия. Или не переводы автора, или, переводя, покорись ему и спрячь свой ум, свои мнения.

Впрочем, все-таки трудно понять славу Боккаччо, основанную на его «Декамероне». Кажется, теперь не так была бы она дешева. Итальянцы восхищаются прозой Боккачио, писателя XIV века. Он был для итальянской прозы то, что был для поэзии Петрарка, с которым жил он в тесной дружбе. В «Декамероне» славилось описание флорентийской чумы, но французский переводчик был, кажется, Еропкиным этой чумы: ослабил ее и если не совсем прекратил, то сократил.

В «Декамероне» находится сказка о трех кольцах, приведенная Лессингом в его «Натане Мудром». Боккачио был весьма ученый человек и один из водворителей в Италии любви к познаниям и греческому языку. Он был и поэт, но посредственный: оставил две поэмы греческие: *Фезеиду* и *Филострата*. Он был изобретателем итальянской октавы,

присвоенной после всеми эпопеями итальянской, гишпанской и португальской. *Фезеида* была переведена отцом английской поэзии Чосером (Chaucer). Драйден переделал его после. Латинские сочинения Бокачио многотомны, между прочими *О генеалогии богов* и другое: *О горах, лесах и реках*. На конце жизни посвятил он себя духовному званию.

Странно и поучительно видеть эти противоречия в знаменитых людях средней древности. В наше время одного характера станет на жизнь человека, не говоря о политических превращениях. Бокачио соблазнительный сказочник, вместе с тем и глубокий ученый, часто поверенный в важных делах и посольствах, возложенных на него правительством, друг целомудренного Петрарки и под конец жизни духовная особа.

Известны еще романы его: *la Fiammetta*, – *Filocolo*. В *Fiammetta* изображена принцесса Мария, незаконная дочь короля Роберта, предмет любви Бокачио. В «Литературе южной Европы» Сисмонди (*Literature du Midi de l'Europe*) хорошо изложена противоположность бедственной эпохи, в которую Бокачио переносит свой рассказ с живым вымыслом самих сказок. *Граф Нулин* – сказка Бокачио XIX века. А, пожалуй, наши классики станут искать и тут романтизм, байронизм, когда тут просто приапизм воображения.

Во французском издании приложены и подражания Лафонтена. Рассказ холодный, растянутый, кое-где искры веселости, но редко. Вот в них нет никакого приапизма.

* * *

Во французском переводе Бокачио есть персидская сказка: *Nhatem Thai*. Старику явилась женщина красоты чудесной, в наготe; он взял ее за руку, и она исчезла. С той поры он помешался и твердил беспрестанно: *J'ai vu jadis et je voudrais revoir encore*. – Я видел некогда, хотел бы видеть вновь.

* * *

Relation d'un voyage de Calcutta a Bombay, par feu Reginald Heber, eveque de Calcutta. Londres, 1828. (Описание путешествия из Калькутты в Бомбей; сочинение покойного Реджинальда Гебера, епископа Калькуттского. Лондон. 1828.)

Гебер был в России и описывал Крым. Доктор Кларк воспользовался этим описанием.

«Сесть дюрна (*dhurna*) означает сесть, чтобы плакать, не меняя положения, не принимая пищи, подвергаясь всем превратностям атмосферы, до тех пор пока представитель власти или человек, против которого дюрна направлена, удовлетворит просьбу, с которой к нему обратились. Эта практика нередко приводится в исполнение частными людьми, чтобы побудить должника к уплате долга или заставить кредитора его отсрочить. Эффект этой меры настолько велик, что лица, у дверей которых она происходит, не считают возможным взяться за какое-либо занятие или принимать пищу все то время, как она длится. Индийцы убеждены, что дух умерших во время дюрны возвращается, чтобы мучить непреклонных врагов».

Английское правительство наложило пошлину на дома в Бенаресе. Вдруг жители провозгласили у себя и во всем околотке дюрну; на третий день, прежде чем английские чиновники узнали о том, собралось более 300 тыс. народа в равнине близ города; они покинули жен, жилища, лавки, работы. Огни были погашены, потому что они не позволяли себе даже пищу варить. Они сидели неподвижные, сложив руки, поникнув головой, в глубоком молчании. Англичане не поддались их требованию, но мерами осторожными и человеколюбивыми положили конец сему затруднительному положению.

* * *

Профессор Росси говорил, кажется, о Швейцарии: в ней поступают с истинами как с людьми: у этих спрашивают, который вам год? И если они не успели еще состариться, то им отказывают в праве заседать в сенате.

* * *

Сисмонди в одной статье, говоря о пользе и приятности истории, замечает:

Между тем мало привлекательности для человека в изучении того, что могло бы быть благотворно для человечества или для его нации, если он убежден, что и по узнавании истины не будет в его воле привести ее в исполнение; что ни он, ни все ему равные не имеют никакого влияния на судьбу народов, а что те, кои правят ими, не их пользу предназначают целью себе. Он тогда предпочитает оставаться в слепоте, чем глазами открытыми видеть, как ведут его к бездне.

Поэтому народы, не пользующиеся свободой и не уповающие на нее, никогда не имеют истинной склонности к истории. Иные даже не сохраняют памяти событий минувших, как турки и австрийцы; другие, как арабы и испанцы, ищут в ней одну суетную пищу воображению, чудесные битвы, великолепные празднества, приключения изумительные; прочие еще, и эти многочисленнее, вместо истории народной имеют просто историю царскую; для царей, а не для народа трудились ученые; для этих собрали они все, что может льстить их гордости; они покорили им прошедшее, потому что владычество настоящим было для них еще недостаточно.

* * *

Ж.Б. Сей говорит: можно представить себе народ, не ведающий истин, доказываемых экономией политической, в образе населения, принужденного жить в обширном подземелье, в коем равно заключаются все предметы, потребные для существования. Мрак один не позволяет их находить. Каждый, подстрекаемый нуждой, ищет, что ему потребно, и проходит мимо предмета, который он наиболее желает, или, не замечая, попирает его ногами. Друг друга ищут, окликают и не могут сойтись. Не удастся условиться в вещах, которые каждый иметь хочет, вырывают их из рук, раздирают их, даже раздирают друг друга. Все беспорядок, суматоха, насилие, разорение...

Пока нечаянно светозарный луч проникнет в ограду, краснеешь за вред взаимно нанесенный; усматриваешь, что каждый может добыть то, чего желает. Узнаешь, что сии блага плодятся по мере взаимного содействия. Тысячу побуждений любить друг друга; тысячу средств к честным выгодам являются отовсюду: один луч света был всему виной.

Таков образ народа, погруженного в варварство. Таков народ, когда он просветится. Таковы будем мы, когда успехи, отныне неизбежные, совершатся.

* * *

История Петра, изданная в Венеции, и История Менишкова, написанная в «Зеркале света».

Историк разбираемой книги говорит: «Государь ни одного из иностранцев во всю жизнь свою не возвел в первые достоинства военачальников, и сколь бы кто из них ни славился хорошим полководцем, но он не мог полагаться столько на наемников».

Вероятно, в Петре было еще и другое побуждение. Он был слишком царь в душе, чтобы не иметь чутья достоинства государственного. Он мог и должен был пользоваться чужестранцами, но не угощал их Россией, как ныне делают. Можно решительно сказать, что России не нужны и победы, купленные ценой стыда видеть какого-нибудь Дибича начальствующим русским войском на почве, прославленной русскими именами Румянцева, Суворова и других. При этой мысли вся русская кровь стынет на сердце, зная, что кипеть ей не к чему. Что сказали бы Державины, Петровы, если воинственной лире их пришлось бы звучать готическими именами Дибича, Толя? На этих людей ни один русский стих не встанет.

* * *

Известный Пуколов уверял при мне Карамзина, что по каким-то историческим доказательствам видно, что Алексей Петрович был в связи с Екатериной, что Петр застал их однажды в несомнительном положении и что гибель царевича имеет свое начало в этом обстоятельстве.

* * *

История по-настоящему не что иное, как собрание испытаний, над человеческим родом совершенных честолюбцами, завоевателями и всеми людьми, коих влияние сильно запечатлелось на их ближних. Последствия сих испытаний оказываются часто по большим промежуткам, и не иначе можно оценить их, как умея наблюдать, до какой степени действовали они на средства, коими народы существуют (*Revue encyclopedique*, 1828. «Анализ полного курса политэкономии»).

* * *

Хроники Канонгетские.

Дремота Вальтер Скотта и даже дремота постыдная. Такие книги пишутся только из денег в уверении, что за подписью имени уже прославленного сойдет с рук и посредственность.

Первый том составлен из болтовни. Три следующие – из трех повестей. Первая хороша. Во второй рассказывается поединок двух погонщиков скота и смертоубийство одного из них. Третья – цепь приключений, на живую нитку связанных. Нет ни вероятия, ни естественности, ни поразительных сверхъестественностей. Хроники Канонгетские хуже самой истории Наполеона. Предисловие довольно замысловато.

* * *

Император Александр Павлович не любил Апраксина и, вероятно, потому, что Апраксин, будучи его флигель-адъютантом, перешел к великому князю Константину.

Апраксин просил однажды объяснения, не зная, чем он подвергнул себя царской немилости. Государь сказал, что он видел, как Апраксин за столом смеялся над ним и передразнивал его... В чем, между прочим, Апраксин не сознавался.

Его мучило, что он еще не произведен в генералы. Однажды преследовал он Волконского своими жалобами. Тот, чтобы отделаться, сказал ему: да подожди, вот будет случай награждения, когда родит великая княгиня (Александра Федоровна). «А как выкинет?» – подхватил Апраксин.

Апраксин был русское лицо во многих отношениях. Ум открытый, живость, понятливость, острота: недостаток образованности: учения самого первоначального, он не мог правильно подписать свое имя; решительно при этом способности разнообразные и гибкие: живопись или рисование и музыка были для него почти природными способностями. Карикатуры его превосходны; с уха разыгрывал он на клавикордах и пел целые оперы.

Чтобы дать понятие об его легкоумии, надо заметить, что он во все пребывание свое в Варшаве, когда всю судьбу свою, так сказать, поработил великому князю, он писал его карикатуры одну смелее другой, по двадцати в день. Он так набил руку на карикатуру великого князя, что писал их машинально пером, или карандашом, где ни попало: на летучих листах, на книгах, на конвертах.

Кроме двух страстей, музыки и рисования, имел он еще две: духи и ордена. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован. Уверяют даже, что по его смерти нашли у него несколько экземпляров и в разных форматах звезды Станислава второй степени, на которую давно глядел он со страстным вожелением. Он несколько раз и был представлен к ней, но по сказанным причинам не получал ее от государя.

К довершению русских примет был он сердца доброго, но правил весьма легких и уступчивых. В характере его и поведении не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но нельзя было уважать.

При другом общежитии, при другом воспитании он, без сомнения, получил бы высшее направление, более соответственное дарам, коими отличила его природа. В качествах своих благих и порочных был он коренное и образцовое дитя русской природы и русского общежития. Часто, посреди самого живого разговора, опускал он вниз глаза свои на кресты, развешанные у него в щегольской симметрии, с нежностью ребенка любующегося своими игрушками, или с пугливым беспокойством ребенка, который смотрит: тут ли они?

* * *

Araucano, испанская поэма дона Алонзо де-Ерцилла, который воспел в ней завоевание области Арауко. Вольтер предпочитает ее в некоторых местах «Илиаде».

* * *

Молодой ирландец. The wild Irish boy, роман Maturin, автора «Мельмота».

Матьюрин, или как англичане его зовут, кажется, Мефрин, удивительный поэт в подробностях. Он не отдает ни себе, ни читателю отчета в своих созданиях, или отдает неудовлетворительный, но зато выходки, целые явления его поразительно хороши. Этот роман далеко отстоит от «Мельмота», но есть места удивительно грациозные, портреты свежие, яркие.

Эпизод Марии, которая как облачная тень является в прелести неосязаемой, неизъяснимой, скользит мимо вас на минуту и в эту минуту так любит и так страдает, что впечат-

ление ее глубоко врывается в душу и, промелькнув, *падает в могилу, как моряк в океан*, – все это очаровательно.

Автор, кажется, мало знает общество, хотя, как умный человек, и означает его резкими чертами, но, кажется, слишком резкими. Впрочем, английское общество имеет свою статистику; может быть, его наблюдения и сходны с истиной, хотя часто и противоречат общей истине или правдоподобию. Тут вводится Мур, Саутей и какой-то английский романист, но, вероятно, не Вальтер Скотт, которого автор судит довольно строго, особенно же в отношении употребления дарований. Этот классический упрек странен в авторе «Мельмота» и молодого гуманиста. Он сам весь фантастический, и не знаешь, что после чтения его остается в душе: впечатления, подобные впечатлениям вечерней зари, грозы великолепной, музыки таинственной.

* * *

Напрасно думают, что желание разрешения нескольких прав, гражданских и политических, принадлежащих человеку, члену образованного общества, есть признак неприязни к властям, возмутительного беспокойства.

Нимало: мы желаем свободы умственных способностей своих, как желаем свободы телесных способностей, рук, ног, глаз, ушей, подвергаясь взысканию закона, если во зло употребим или через меру эту свободу.

Рука – орудие верно пагубное для ближних, когда она висит с плеча разбойника, но правительство не велит связывать руки всем, потому что в числе прочих будут руки и убийственные. В обществе, где я не имею законного участия по праву того, что я член этого общества, я связан.

Читая газеты, видя, что во Франции, в Англии человек пользуется полнотой бытия своего нравственного и умственного, видя там, что каждая мысль, каждое чувство имеет свой исток и применяется к общей пользе, я не могу смотреть на себя иначе как на затворника в тюрьме, которому оставили употребление одних неотъемлемых способностей, и то с ограничениями; а свобода его в том заключается, что он для службы острога ходит брэнча цепями по улице за водой, метет улицы и проч., или собирает милостыню для содержания тюрьмы. В таком насильственном положении страсти должны быть раздражаемы.

Вероятно, если человеку, просидевшему долго с узами на руках, удастся их расторгнуть, то первым движением его будет не перекреститься или подать милостыню, а разве ударить того и тех, которые связали ему руки и дразнили его на свободе, когда он был связан.

* * *

Cinq Mars «Сен-Мар». Исторический роман, соч. графа Альфреда де-Виньи. Французская литература много успела в последние годы в роде, как назвать, романтическом, или естественном, в противоположность роду классическому, который весь искусственный. Этот роман весь ознаменован какой-то трезвостью, истиной, которая имеет свою свежесть, как вода, которая бьет из родника и питает на месте, а не приторная вода, увядшая и согретая в буфете.

В Альфреде де-Виньи нет глубокости Вальтера Скотта; но есть тонкость, верность в живописи.

* * *

18 мая 1829, Мещерское

Третьего дня, или четвертого дня, имел я во сне разговор с каким-то иностранцем о России. Между прочим, говорили мы с ним о 14 декабря. Он удивлялся, что мятежники полагали возмутить народ именем цесаревича. Я отвечал ему: «У нас не может быть революции ради идеи; они могут у нас быть лишь во имя определенного лица».

Я готов подтвердить наяву сказанное во сне: история тому свидетельница.

* * *

Августа 5 1829 г.

Memoires d'un apothicaire sur l'epoque pendant les guerres de 1808 – 1813 («Мемуары аптекаря об эпохе войн 1808 – 1813»).

Кажется, автор этой книги фамилии Castile Blaze.

Довольно легкая и складная французская болтовня. По этой книге можно судить, что автор в течение пяти лет ни разу не размышлял и жил поверхностно. В наблюдениях нет ничего глубокого, ни острого. Автор, наблюдатель силы Ансело, в своих «Шести месяцах в России». Впрочем, если он правдив, то можно из его книги собрать несколько испанских сведений уличных, и лошадных, трактирных, будуарных, волокитных; но и тут вымыслы.

* * *

У нас нет правительства, – отвечал Шишков, государственный секретарь, в комитете министров на вопрос Дмитриева, от чьего лица будет обнародовано известие о взятии Москвы, читанное предварительно в комитете по приказанию государя.

Дмитриев, слушая это нелепое сочинение, в котором кто-то на конце падает на колени и молится Богу, спросил, в каком виде будет оно напечатано: просто ли журнальную статью или объявлением правительства. На это и грянул свой ответ Шишков.

* * *

Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения. В этой любви патриот может сказать с Жуковским:

В любви я знал одни мученья.

Какая же тут любовь, спросят, когда не за что любить? Спросите разрешения загадки этой у Строителя сердца человеческого.

За что любим мы с нежностью, с пристрастием брата недостойного, сына, за которого часто краснеешь? Собственность, свойство не только в физическом, но и в нравственном, не только в положительном, но и в отвлеченном отношении, действует над нами какой-то талисманною силой.

* * *

О Растопчине и Пестеле, Растопчине и Августине, дуэт Растопчина и Павла I, Кутайсов, царская кровь. («Что-то такое рассказывал Ж.-Жак в своей *Исповеди*. Следовательно, Растопчин выдумал».)

Можно сказать о старике Кутайсове, что он вышел в люди *с легкой руки своей*.

* * *

Журналы наши так грязны, что нельзя читать их иначе как в перчатках.

* * *

14 октября 1855

«Хотя, с одной стороны, уже одно имя автора ручается за благонамеренность его сочинения, с другой, результат всех его суждений в рукописи (за исключением только некоторых отдельных мыслей и выражений) стремится к тому, чтобы обличить с верою в Бога удалившегося человека от религии и представить превратность существующего ныне образа дел и понятий на Западе, тем не менее вопросы его сочинения духовные слишком жизненны и глубоки, политические – слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их чтению юной публики.

Частое повторение слов *свобода, равенство, реформа*, частое возвращение к понятиям: *движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность есть кража* и тому подобным, останавливают на них внимание читателя и возбуждают деятельность рассудка. Размышления вызывают размышления; звуки – отголоски, иногда неверные. Благоразумие не касается той струны, которой сотрясение произвело столько разрушительных переворотов в западном мире и которой вибрация еще колеблет воздух. Самое верное средство предостеречь от зла – удалять самое понятие о нем». (Заключение мнения генерала Дубельта, поданное в Главное Правление цензуры о последних сочинениях Жуковского, 23 декабря 1850.)

* * *

Официальный список московских славянофилов

Аксаков, Константин Сергеевич.
Аксаков, Иван Сергеевич.
Свербеев, Дмитрий Николаевич.
Хомяков, Алексей Степанович.
Киреевский, Иван Васильевич.
Дмитриев-Мамонтов, Емануил Александрович.
Кошелев, Александр Иванович.
Соловьев, Сергей Михайлович, профессор.
Армфельд, Александр Осипович.
Ефремов, Сергей Михайлович.
Чаадаев, Петр Яковлевич.

Смешно видеть в этом списке, между прочим, Чаадаева, который некогда был по высочайшему повелению произведен в сумасшедшие как отчаянный *оксиденталист и папист*. Вот с каким толком, с каким знанием личностей и мнений наша высшая полиция доносит правительству на лица и мнения.

* * *

Его превосходительству барону Ф. П. Врангелю

В одной весьма замечательной записке о нынешних тяжких обстоятельствах России, при указании причин, которые довели нас до нынешнего бедственного положения, между прочим сказано:

«Многочисленность форм подавляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что *есть*, от того, что *кажется*, *правду* от *неправды*, или *полуправды*, и редко где окажется прочная плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины. Она затаена между строками, но кто из официальных читателей всегда может обращать внимание на междустрочие».

Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивые слова всем лицам и местам Морского ведомства, от которых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год, и повторите им, что я требую в помянутых отчетах не похвалы, а истины, и в особенности откровенного и глубоко-обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок, и что те отчеты, в которых нужно будет читать между строками, будут возвращены мною с большою гласностью. Прошу ваше превосходительство разослать всем вышеупомянутым местам и лицам копии с настоящей моей записки.

Подписал: генерал-адмирал Константин.

26 ноября 1855.

Сей напечатанный циркуляр был после отобран. Приведенные в нем слова взяты из записки, составленной П.А.Валуевым, которую я сообщил великому князю.

* * *

Книжка 3. (1818–1828)

От Варшавы до Nowemiasto, принадлежавшего графу Малаховскому, дорога довольно приятна. По сторонам раскинуты селения и леса, и Польша теряет свою однообразность. Положение Nowemiasto живописно, то есть дома и сада графского: на высокой горе, внизу река, луга, покрытые необыкновенно свежей зеленью, и леса. От Nowemiasto до Konskie едешь лесами и песками. Konskie принадлежат другому Малаховскому: много каменных строений. Radoszyce, отданный по смерти третьему Малаховскому. Здесь станция славится лошадьми. До него едешь ужасным песком и скучным сосновым лесом. Здесь железные заводы. Около 270 дымов, из коих только 22 жидовских. Воеводства Сандомирского Lopuszno. Деревня, принадлежащая какому-то Святого Станислава кавалеру, отданная им в аренду жида. Почтовая смотрительница ласкова и говорлива. Я съел славного цыпленка. Matogoszcz. Дорога к нему песчана и гориста. Иные горы каменисты и вышины покрыты соснами: напоминают некоторые места по Ярославской дороге и Костромской. Городок около 150 дымов и ни одного жидовского. Жители все в желтых домах.

3 часа, в воскресенье, пополудни

Zarnowiec местечко. Прошлого года сгорело. В нем 52 дома, а всего было не более 150, лучшие дома сгорели. На реке Пильце.

Воскресенье. Краков

Я приехал в Краков около 12-го часа. Съездил в баню: лучше русских, хуже варшавских.

Пришел ко мне консул-резидент императорский. Позвал меня к себе обедать. Письма наместника, видно, писаны обязательным для меня образом. Жена и дочь – добрые люди, кажется, на немецкий лад, как и все. Город вольный, а республиканцы все по чинам. Zarzecki. Пришел к нему комиссар российского императора Miaczynski от меня. И к нему было письмо от наместника. Мне смешно видеть себя в людях. Позвал на другой день обедать, а уже Zarzecki был позван, но уступил день. Приехали Kochanowska варшавская с двумя дочерьми. Меньшая дочь белокурая, хороша собою, другая постарее.

На улице поймал меня кто-то, позвал ехать в Krzesowice: воды в 3 милях от Кракова, на бал. Сперва хотелось, но после испугался. Тем кончил, что поехал. Сел с нами в коляску и горбатый. Долго ехали, уже совсем смерклось, по проселочной дороге. Коляска десять раз едва не ложилась на бок. Горбатый страшно боялся. Я думал себе: напрасно! Нам бояться: ему страха нет. Авось еще от удара сравняется. Зала большая, людей мало. Пошли ужинать. Ужас! В Польше образованность на каждом шаге сталкивается с безобразностью. Место, дома, все на ноге европейской: утка и горох, пиво и венгерское – такое, что в Клину, или в Грязовецах таких не найдешь.

Возвратились наверх. Людей поболее, человек 40. Танцуют. Долго смотрел, стало разбирать; пошел говорить. Мало: пошел танцевать и танцевал до упада мазурку. Одна из дам мне говорит: «Вы танцуете как поляк».

Садовска лечится на водах: миловидна и разговорчива. Муж ее похож на Свечина, белевского Мольера. Сестра Пашковска будто хороша. Скотница была бы на своем месте везде. Вдова не первой молодости. Поставила мужу, умершему в Италии, памятник мраморный, в Италии работанный, в кафедральном соборе. Краковская-Свечина. Жена какого-то woyna с сестрой.

Пошли за коляской. Остались до утра в корчме; я проспал в коляске. Возвратились к 11 часам утра. Дорога живописная, обставлена горами. От Кракова по левой стороне есть

длинная стена гор, поросшая частым лесом и усеянная громадными камнями. Внизу, как бы усажена рядом отделяющимся плачущих берез. Здесь есть природа не так, как в Царстве Польском.

Обедал у комиссара: добродушный старик. Не свободно, но умно изъясняется по-французски. Разговора веселого. Ласков до крайности. Московское гостеприимство. Обедало несколько сенаторов и отставной полковник: умен, но кобенится. Во время обеда приехал президент Сената Wodzicki: умный, уважаемый человек. По-французски говорит очень хорошо. Только что я ему представился, позвал он меня на другой день обедать, и консул меня опять уступил, а сам отложил свой обед до середины.

Пошли по городу. Замок, укрепленный на высоте. Есть что-то кремлевское. Австрийцы все изуродовали; мрамор выштукатурили или выбелили, золотые украшения ободрали, выделанную в камне работу заделали; окна большой величины и каменные рамы заделали, а пробили маленькие окошки. Думаю, что зависть и злоба внушили им варварство. Одна зала похожа на Грановитую палату, но менее; другая – судилище: потолок деревянный четвероугольниками, в кои вставлены были головы. В Академии в Ягеллонской зале есть такой же. В замке голов уже нет.

Рассказывают, что во время одного суда одна голова закричала королю: «Будь справедлив». Если правда, то должно бы у всех царей поделать такие потолки.

Из одной комнаты виды во все стороны Кракова. Церковь Св. Станислава, в которой был разрублен епископ рукою Болеслава Смелого, которому он упрекал всенародно долгое его пребывание в Киеве и отсутствие из отечества. Могила Крака: курган. Курган Ванды. Величка. Карпатские горы.

Храм Богородицы. Все украшения из мрамора. Построен епископом Ivo в 1226, на рынке. Колокольная высокая. Обширный вид.

Храм Святой Анны, крестом, в итальянском вкусе. Одно из священнических одеяний сделано из платья, в котором гильотинировали французскую королеву. Лепная работа и живопись. Десятая часть храма Св. Петра. В академической библиотеке: 2500 рукописей, 25 000 печатных книг. Папская булла о Святом Иоанне Конти. Он стоил Кракову 100 000 экю. Егарт упрекал Академию, что у них нет ни одного святого, а у них много. За словом дело: поставили и своего святого. В Академии на правой руке от ворот видна комната, в которой он жил, а напротив ее придел.

Из старинных печатных книг в Кракове славится Иоанна Дамаскина. Книга записная: записалась в ней жена Димитрия Самозванца. Бантке, библиотекарь, ученый человек, сочинитель Польской истории в 2 томах. Кабинет физический не богат. Кабинет натуральной истории богаче. Аббат Солтык одарил его драгоценнейшими предметами. Есть янтарь, в котором вода. Камни, найденные в Италии: в них сушеные рыбы. Марковский, профессор химии. Жил долго в Париже. Был доктором Жозефины. Бурсы несколько домов, в коих содержатся бедные дети, обучавшиеся в академии. Теперь в гимназии и академии около 1000 учеников и 40 профессоров.

Сукенница, большое строение. Своды. Тут в старину вероятно работали сукна. Теперь лавки и собрания бывают.

Австрийцы ненавидимы. Австрийский император в проезд свой через Галицию с высоты смотрел на Краков, но не въезжал. У президента Сената спросил он, подписана ли уже конституция, которую он вместе с другими покровителями подписал. У комиссара: начала ли образовательная комиссия свои действия, после уже шестимесечных ее занятий, о коей получал он, между прочим, донесения. Свобода Кракову разорение. Он недоволен богат, чтобы жить сам собою, отпустили на волю старика. Государь здесь считается единственным покровителем, а другие по имени, а на деле притеснители. Говорят, что австрий-

ский двор хотел взять за себя Краков, а государь, чтобы спасти его, предложил объявить его свободным. В несчастии своем тем он себя утешает.

Wiliczka давала около миллиона червонцев. Можно сказать, что у Кракова отняли хлеб с солью.

Дом Епископа. Одна комната посвящена польской истории. Колонны, потолок расписан предметами, взятыми из истории; другая – варшавскими видами; третья – краковскими. Праздник, где крестьяне скачут через огонь. На другой стене торжество искуснейшего стрелка: шестеро собираются и стреляют в цель; искуснейший выигрывает награждение. Австрийцы уничтожили обыкновение. Без вкуса: краски грубые. Ботанический сад и обсерватории. Профессор Ленский: хороший живописец. Профессор астрономии. В ясный день видны с обсерватории снежные вершины карпатские.

Сад Крыжановского, городское гулянье, чисто содержан.

Сад Кескевичев рядом с ботаническим, бывший банкир отец Скотницкой.

В Кракове жителей 25000, из коих 5 тысяч жидов. Город правильно выстроен. Из лучших улиц *Градская*. Дома высокие, вроде варшавских, но более древних. Стою в трактире у Шидловского под вывескою *a la Provideuse* в комнате, где отдыхал государь после Аустерлица и Иероним в 1811 году. На стене аллегорическая картина, представляющая государя. Написана после его проезда.

Mbaszynsky говорит, что он один раз думал, как перевести настоящим польским словом третий титул Кракова *et strictement neuter – nieiakiego miasta*. Город объявлен свободным, не спросивши у жителей, хотят ли свободы. На город наложили свободу. Жида в городе Казимира. Из Краковской республики можно плюнуть на Австрию. *Подгурже* за Вислою. В правлении герцогства было оно вроде Краковского предместья. Многие крыши домов заслонены стеною. Есть один дом в два окна в ширину.

Четверг, 8 августа

Лобзув. Менее полмили. Развалины замка, построенного Казимиром и, вероятно, перестроенного одним из Сигизмундов. Герб *Barba*. Следы красивого зодчества. Вид на Краков. Могила Эсфири жидовки, любовницы Казимира. Она ночью раз пришла к нему, но королева поймала ее и велела выбросить ее в окно. При Станиславе рыли могилу, но ничего не нашли. Из любви к Эсфири Казимир покровительствовал жидам и построил им город Казимир. Купил Красинский *Wincenty* и обязался возобновить. Австрийцы и тут все переломали. Недалеко *Wola* принадлежащая Вьеловийской.

Из Кракова ездили в театр в Галицию и в третий город от Кракова: в Подгурже. Немцы. Граф Бениевский. Примета образованности. Город под пару подольскому; но есть театр и есть зрители: добрые немцы и жида. Актриса в сажень. Величайшая актриса. Вал вокруг городского укрепления, вроде вала ярославского. Ворота вроде ярославских и кремлевских.

Дешевизна города: таможенных пошлин нет. Можно все выписывать. В трактирах обедают за два злотых. Содержание лошадей дешево. Съестные припасы хороши. Артишоки славные. Плоды вкусные.

Обедал у *Wodzick'*ого аббата, дяди президента, 75 лет. Заговаривается; но ласков, добродушен. Жил долго в Париже и был аббатом сердечкиным. Об нем говорит Жанлис. Какой-то русский офицер стоял у него в деревне. Он жаловался на панские требования. «Который год вам?» – спросил он у него. «70». – «Как же, проживши так долго на свете, не знаете вы, что человеку необходимо есть и пить». Хорошее старое Венгерское. Картофельное вино. Сладко. Знатоки принимают за Венгерское.

Пятница

Собор в замке, при Мечиславе. Придел Сигизмундов. Прекрасная работа в камне. Мраморные статуи двух Сигизмундов из шведского мрамора. Библиотека. Архив. Сокровища. Голова епископа Станислава. Гвоздь с кресла распятия и ланца подарены императором Оттоном. В подземных сводах гробницы Казимира, Понятовского и Костюшки. Последние две еще не сделаны. В замке богадельня на триста бедных, содержащая человеколюбивым обществом. Комнаты просторны. По 10 грошей на день. Дети обучаются читать и писать. В городе по улицам нищих нет. Ко мне приходили просить милостыню в сюртуке. После увидел я его в мундире городской стражи. Я сказал это без умысла. На другой день президент Сената сказал при мне, что он подписал отставку унтер-офицеру, приходившему просить милостыню. (Вот как составляются путешествия.) Я узнал, что он не по моему случаю был отставлен, а за прежние. Не объяснись это, я остался бы уверен.

Smocza jama. Кракус отравил жившего тут дракона, пожиравшего скот и людей. Дали ему теленка, начиненного серою. Под горою замки.

Zarzecki пишет историю города Кракова. Доходы Кракова 1 200 000 злотых. Войска около 300 человек. Академия стоит около 400 000. Гвардия городского в медвежьих шапках, пугающих австрийского резидента.

После обеда

Бронислава. Пустынь на высокой горе, на берегу Вислы: менее полмили. Чудеснейший и обширнейший вид во все четыре стороны. Даль с правой стороны от Кракова обставлена лесистыми горами. Небо было облачно. В ясный день, говорят, вид еще отдаленнее. Маленькая церковь. Пустынник. Отставной солдат, раненый под Смоленском. День догорал. На башнях города казалось сияние.

Липка, ближе к Кракову. Пригорок на берегу Вислы. Несколько деревень. Две семьи лип. Графиня Замойска туда часто езжала. У подошвы лип мраморные доски с надписями в Изрядный дом. Каменный забор. Простокваша.

Собачья скала.

Суббота

Выехали в шесть часов утра. Зележки: на Pradnik, речке. Большая деревня. Много ив. На конце деревни скалы. Пещера. На дороге везде по сторонам каменные титаны. Въезжаем в лес. Высокая гора, поросшая лесом. В лесу открывается скала отдельная. Геркуле-сова палица. На ужасной крутизне огромный замок укрепленный, с башнями. Построен на скалах. Скалы ему фундаментом. Принадлежит Вьелькопольским. На стенах герб Любомирских. С высоты скалы под домом прорыт колодезь. Воду выливают с шумом и по долгом молчании падает. Большие покои. Противолежащая стена гор так высока, что с высоты башни замка – в даль не видно. Новая для меня природа.

Корчма. Обедали. Maczynski, Баснович, Гижитука – Тереза, дочь хозяйки. Поехали долиною до Ойцова на длинной крестьянской телеге. Швейцарское путешествие. По сторонам скалы – леса, речка Pradnik. Частые мельницы. Дорога извилистая. Картина ежеминутно меняется. Высочайшая скала. На ней торчит церковь. Тут жила святая Соломея. Ойцов замок укрепленный, менее того. В лесу Czarna jama. Пещера ужасной глубины, вроде Велички. Из пистолета стреляли: ужасный грохот. Несли перед нами зажженный смольный светоч: кидал багровое сияние на черные своды. Тут был Станислав. Давали ему праздник. С вершины скалы виден Краков. Напротив две скалы образуют ворота. Каждая скала имеет свой особенный образ: то замок, то укрепление. Я хотел бы видеть мелкого подлеца на этих скалах величественных. Видно ему было бы неловко. Pieskowa skala три мили от Кракова, Czarna jama – две. Обе в Царстве Польском. Есть еще в стороне *Королевская пещера*. Говорят, более

этой. Поместье государственное. Гром разразил многие места в Пьесковском замке. Он тут по соседству.

Воскресенье

Могила Кракуса. Высокий насыпной курган на высокой горе по ту сторону Вислы за Подгоржем. Тут, по преданию, лежит Кракус. Город на ладони. Обширные виды во все стороны. Могила Ванды около мили от города.

Тюрьма. Около трехсот заключенных, половина принадлежащая царству. Краковское воеводство еще здесь до приведения в действие образовательных уставов, учреждаемых образовательной комиссией. Отделения просторны. Воздух чистый. Богуславский, новый Картуш, из дворян Виленских, служил в Смоленском полку подпрапорщиком; начальник шайки; сам никогда не смертоубийствовал и раздавал подаяния. Руки и ноги скованные. Несколько раз бежал. Каждому из работающих и не по смерти осужденных невольников откладывается каждый день часть платы, которую им выдают при отпуске. Прекрасное обновление! Предохранительное и благодетельное! Выпускаемый – невольник без собственности, оглашенный преступником, где найдет себе пристанище освобожденный от цепей? Общество его чуждается и отвергает самые труды его. Отчаяние должно снова кинуть его на дорогу прежнюю.

Президент сената имеет многие здравые и человеколюбивые мысли насчет содержания преступников. Со временем мысли его, приведенные в исполнение, подадут поучительный пример. Республиканское правление основано на нравственности и имеет нужду в людях. Монархическое, самовластное, не заботится об этом. Одно печется возратить обществу затерявшихся его членов, другое – удивить чужестранцев великолепием тюремного здания. Богуславский, бежавший из тюрьмы, говорил мне, что он многих ковал. Несколько матерей-детоубийц.

Косцельница, деревня графа Jozefa Wodzick'ого, в двух милях. Жена из дома Яблоновских. Дочь Каролина, красавица вроде Олсуфьевой, но лучше. Государь останавливался у них. Хорошие виды. В саду редкое дерево: род акации с острыми и твердыми иглами. Прекрасный бык. Достойный кисти Потера.

Miaczynski, трудолюбивый и знающий. Писал о *Moratorium*, о пчеловодстве, и книга его сделалась учебною, о *dimes*: царский декрет был основан на его образе мыслей. В немецких газетах отзывались о книге с большой похвалой; теперь занимается он сочинением о постановлении жидов. Важное дело в Польше! Это наше рабство. Думать, да думать. (При этом рукой А.И.Тургенева отмечено: «Прошу выписать мне непременно проект его о жидях». – *Примеч. издателя 1884 года.*) Жаль, что городская площадь завалена деревянными лавками, лачугами; но приносит более 30 000 злотых. Русские любимы, может, более оттого, что Австрийцы и Пруссакки ненавидимы. Здесь все знают Воронцова, Суворова, Ермолова, Эссена и Полторацкого, последний прославился своими праздниками.

Понедельник

Монастырь сестер милосердия. При нем заведение. Около 115 кроватей для больных обоего пола. Довольно тесно. Иные кровати под самым окном. Детей около пятидесяти. Хорошо содержаны. Из грудных большая часть умирает. Доход около 100 000 злотых. Заведение в долгу. Правительство хочет взять его под опеку, как в Варшаве.

Дом безумных. Ужас! Многие лежат на соломе в темной комнате. Без присмотра. За деревянную решеткою. Колодезь. Нечистота и вонь.

Обедал у декана кафедрального Skorkowsk'ого.

Вторник

Беляны, монастырь. За Брониславою на берегу Вислы, на высокой горе. Вокруг лес, по большей части береза. В лесу просеки. Веселый вид, обширный. 4 монаха. Церковь хороша. В ясный день видна снежная вершина Карпатских гор. С тех пор, что я здесь, небосклон не был ясен. Обедал у аббата Быстроновского. Добрейший человек. Что-то Нелединского в лице, то есть в чертах, а не в выражении. Деревенский Нелединский.

После обеда поехал в Krzescowie. Приехали к ночи. Сегодня в среду на крестьянской подводе поехали в Czerna. Около мили, и монастырь Кармелитский. На высокой горе в лесу. Обгорожен с леса каменной стеною. Из каменных ворот по правую сторону монастыря хороший вид. Колодезь на горе. Отменная вода. Монастырь построен около 200 лет тому назад Firlejowa (кажется, так) и до фамилии Lubomirskich. Souspriur из Белоруссии Луко. Был в польской службе в Гишпании. Повел нас в...

Debnik. Мраморная ломня, принадлежащая монастырю. Большие горы, но мало работают. Какой-то итальянец платит за них монастырю в год 2000 злотых. Работают человек тридцать. Тут черный мрамор, далее есть белый и других цветов. Делают для Пулавы памятник Понятовскому из черного мрамора. Один кусок в шесть локтей.

После поехал в *Tenczynek*. Замок около мили от Krzescowie, также принадлежащий Артуру Потоцкому. Замок виден издалека. Вблизи теряется в лесу. На высокой горе. Развалины. Картина Рюисдаля. Господствует над обширной далью. Под ногами с одной стороны зеленое море сосновое, с другой – окрестность взьерошена горами. На одной развалившейся стене высокой висит рябина с красными своими ягодами. Может быть, одна из живописнейших прогулок в окрестностях Кракова. *Czerna* более славится. Может быть, я не все разглядел: а все видел бегом.

Управляющий Krzescowie. Жена приятная женщина, не первой молодости, толстая, глаза прекрасные.

Вечером возвратился в Краков. Был у Скотницкой. Умна и ласкова до крайности. Мать добрая старушка. Любит русских. Между Варшавой и Краковом отношения Петербурга с Москвою. В земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов.

Четверг

Выехал я из Кракова. На дороге в сторону был я в деревне президента Wodzick'ого около 3 миль от города.

Niedzwiedz. Хороший каменный дом. Сад шестилетний, но уже взрослый и с тенью. Большой ботанический сад. Много сибирских деревьев и растений; но всего лучше в деревне добрая душа хозяина. Не худо и вино. На дороге к нему видна в полумили от Niedzwiedz деревня Гаржецкого. Обе уже в царстве. Тут уж нет и следов краковской природы. Она величественна в краю свободы. Поездка в Краков мне по сердцу. Видел прекрасные места и добрых людей. Чего же еще требовать?

* * *

Воспоминания о Державине, переданные Дмитриевым

Солдатские жены, жившие с Державиным-солдатом, заметили, что он всегда занимался чтением, и потому стали просить его, как грамотея, писать за них письма к родственникам. Державин и писал их. После хотел он употребить в пользу свою писарскую должность и писал (Бакунин говорит, за деньги, за 5 и 10 коп. письмо) письма с тем, чтобы мужья отправляли за него ротную службу, то есть ездили за мукою, счищали снег около съезжей и

проч. Далее переключал он в стихи полковые поговорки, переписывал Баркова сочинения. Отпущен он был в Москву, где просрочил более полутора года, промотался, проигрался и написал в негодовании стихи на Москву, которую сравнивал с развратным Вавилоном. Он сказывал эти стихи Дмитриеву, уже бывши статс-секретарем. Дмитриев помнил, что были поэтические обращения к Кремлю.

* * *

О Долгорукове, Иване Михайловиче, Дмитриев говорит, что он в молодости был *резв* до безумия. Бывало, придешь к нему, он скачет по стульям, по столам, уйдешь от него не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить. Как скоро заведутся деньги, то задает обеды и говорит: люблю сладко поест. Странно одевался, ходил по улицам в одежде полуполковой и полукатерской из платья иггранных им ролей.

Надобно непременно из слов Дмитриева написать несколько костюмов старинных.

* * *

Поездка в Москву 1818 года

Я выехал из Варшавы 14(26) декабря, в десять часов утром с похмелья: лучше пьяным выезжать. Догнал Николая Николаевича (Новосильцева) только в Бресте сегодня 15(27). Что за царство? По всей дороге нет и тени вида. Равнина, перерезанная болотами, песками и сосновыми лесами. По мерзлой земле дорога славная. Брест-Литовский вертеп таможенников. На прошлой ярмарке пошлин за провозимые товары заплачено было 460 00 рублей. На нынешней думают собрать около 400 000, но зато товаров менее. Брест имел одну из древнейших типографий. Буг здесь узок. Николай Николаевич получил эстафету от Волконского, уведомляющего, что государь назначает ему свидание с ним в Минске. Он однако же дождется его здесь. Один Пономарев заплатил около 90 000 пошлин за провоз товаров на 300 000 рублей. С сукна берут пять рублей с аршина. Здешние таможенные фокуспокусничают с повозками. Придет нагруженная бричка, оглянешься – ее уже нет. У Ланга из-под носа так их и скрадывают. Здесь есть и присланный ревизор из Петербурга от Гурьева. Ланг у них, как собака в киях. Стоял у жиловки Раген-Мейер.

16 декабря. Не дождавшись государя, поехали мы с Николаем Николаевичем в Слоним в карете. Приехали ночью, то есть к утру 17-го числа. Здесь жили Огинский, Слонимский, Позняков. Театр, каскады, сады. Было прекрасно, театр в развалинах. Огинский канал, сделанный под присмотром Фалькони. Польских губерний города – те же Рим. Все прах, все воспоминания; но только не так красноречивы. Послушать от них нечего, разве поучения, что народ без характера и правительство без уложения, что идет всегда рука в руку, не может надеяться на жизнь. Это какая-то подложная жизнь. Такие государства ходят сгорая. Пощупайте их пульс. Он уже не бьется, или бьется последними судорожными биениями.

В Литве ужасно страдают крестьяне. Николай Николаевич может дать прекрасный пример, как держать казенные аренды. На них смотрят, как на лимон, который попался к вам на минуту в руки. Всякий старается выжать из него весь сок. Честным арендатором был около 20 лет маршал Пусловский, отменный лиможателъ. Он кровью крестьян нажил миллионы. Маршал поветовый Бронский. Себе на уме, должен быть тонок, потому что этого не видать. Грабовский – губернский гродненский маршал. Живой Брониц. В Литве задумы-

вают установить состояние крестьян. Грабовский подавал просьбу о том государю. Боюсь, чтобы эта свобода крестьян не была уловкою рабства панов. Увидим, как приступать к делу. Хотят собрать по одному депутату с уезда и решить эту задачу. Дай Бог!

Крестьяне литовские ужасно угнетены. Здесь не знают ни брата на брата, ни других постановлений наших. *Паньщизна*. Крестьянин должен с двумя волами работать три дня в неделю на пана. Редкий имеет и одного вола. Чтобы наверстать, паны заставляют одним волом работать шесть дней.

Стояли в доме часового мастера Либера. Государя ожидали 17-го числа к вечеру. Он приехал 18-го числа к 12-ти часам утра. Артиллерийская рота простояла на ногах почти сутки. Государь думает, что он, проезжая губернию, ничего с места не трогает, потому что запрещает встречи, приемы. Каждый проезд его – новый налог. Все в движении: губернаторы и вице-губернаторы невидимо следуют за ним, или провожают, как Сбогары. Он не тронут, но по сторонам все режут и давят. Крестьянам за взятых лошадей не платится. Мы спросили у одного хлопа, который с нами ехал: получает ли он за то деньги, которые мы заплатили. А *ja rapa wiezu*. Точно, как будто не его дело. Он не привык и думать об этом.

Государь приехал в открытых санях с Волконским. Свеж, как будто с постели. Мы поехали из Слонима в Минск в четыре часа после обеда. 18-е число. На санях. На последней станции перед Минском ожидали государя около 30 просителей и просительниц. Посмотреть, точно комическая сцена; подумать, так не так-то смешно. Всякий тут со своими надеждами, расчетами. Друг другу рассказывают. Ужасно положение; 40 миллионов народа, который везде выбившись из сил ждет суда от одного человека. Это положение едва ли не есть отчаяние.

Приехали в Минск в 12 часов утра. Остановились у Влодека. Город, то есть что может назваться городом, на одной площади. Считают в обывателях одного христианина на десять жидов. Все у них в руках. Никакой ремесленник из христиан не может удержаться при них. Они тотчас спустят цену, тот принужден отойти, они снова цену возвысят по-прежнему. Около 11000 жителей. Государь приехал в 8 часов вечера. В городе есть театр: Casino. Покои изрядные. Бывает иногда до 150 человек. Вечером должен быть тут бал. Приготовлен был для государя. Не принят, потому что пост: Черняева, Любайска... Дороги в Литве делают 60 сажен ширины. Прогонов скота нет. У нас никогда ни в чем нет меры. В Вильне *Шубравцы* что-то издают не на живот, а на смерть. Николай Николаевич поехал с государем работать на два часа.

* * *

Нижний Новгород.

3 августа 1822 года

Мы приехали вечером 21-го. Город обширный – верхний, казалось, почти совсем пуст, по мере как спускались вниз, движение возрастало. Первое впечатление, делаемое ярмаркой, которую видим с горы, не отвечает той мысли, которую имеешь об ярмарке по рассказам. Она более походит на большой базар не азиатской, а деревенской. Вместе с тем удивляешься богатству, сокровенному под такой смиренной наружностью.

Гостиный двор, то есть именно лавки, очень некрасивы и что-то похожи более на конюшни. Кирпич и черные кровли дают вид пасмурный. Тут нужны бы краски яркие. Товар лицом продается Церковь прекрасная Главный дом, где вмещается губернатор, ресторация, где много зал для собрания, хорош, обширен. Лестница, извилистая и опирающаяся только на четырех столбах, легка, но слишком узка и сжата. Говорят, что губернатор препятствовал

в ином исполнении предполагаемого плана для сохранения удобностей в покоях, ему назначенных. Столбы чугунные в лавках, выкрашенные белой краской, тонки, длинны и безобразны.

Вопрос о выгоде перемещения ярмарки из Макарьева в Нижний еще не совершенно, кажется, решен. Впрочем, отлагая в сторону личные и частные выгоды и ущербы, которые должны молчать перед общественной пользой, кажется, решительно можно сказать, что ярмарке приличнее быть достоянием губернского города, каков Нижний, нежели Макарьевского монастыря, который один обогащался ею, тогда как город нимало не богател и не украшался.

Реман в записках о Макарьевской ярмарке (на которую, впрочем, кажется, смотрел он слишком поэтическим глазом) замечает, что в Макарье не видишь и следов выгод, которые ярмарка должна бы доставить городу. Притом должно вспомнить, что на первые годы, пока казна не выручит наемом лавок деньги, употребленные ей на сооружение гостиного двора (а и по выручке, может быть, захочет она сократить этот долг), то высокая цена лавок весьма ощутительна для купцов, особливо же тех, которые приезжают с товаром не на миллионы, а на несколько тысяч рублей. Вообще кажется здание слишком огромно.

Потребность ярмарки должна ослабевать в государстве, по мере, как распространится образованность, а с нею и промышленность и выгоды общежития. Не нужно тогда будет ехать за несколько сот верст запасаться тем, что для общей выгоды и покупателей, и продавцов будет у каждого под рукой. Число приезжих дворян от году в год убавляется. Многие купцы еще по старой привычке приезжают на ярмарку, но неудача ежегодная отучит их от нее.

Разумеется, говорю здесь о торговле мелочной, а главная отрасль здешней торговли, как то: железо, чай и рыба, никогда не ослабнет, потому что ей нужно иметь средоточие, из коего распространится она по России (и это средоточие самой природой назначено в Нижнем). Вина продавалось до вчерашнего дня около тысячи ведер. Это немного, полагая, что стечение народа возвышается до 200 000 и что в обыкновенное время продается в Нижнем от 200 до 300 ведер. Впрочем, возрастание винной продажи во время ярмарки не ограничивается одним городом, а отдается и во всей губернии вместе с движением и беспрестанным приливом и отливом народа. Недостаток методы и гласности везде колет глаза в России. Приезжему невозможно обнять одним взором и поверхностного положения ярмарки. Ничего не печатается, нет торговых ведомостей, извещающих о приезде купцов, о количестве товаров, о состоянии курса. Все это делается как ни попало, и как Бог велит.

Конечно, Русский Бог велик, и то, что делается у нас впотьмах и наобум, то иным при свете и расчетах не удастся делать. При нашем несчастье нас балует какое-то счастье. Провидение смотрит за детьми и за пьяными, и за русскими, прибавить должно.

Вероятно, показания купцов были бы неверны, ибо недоверчивость к правительству есть вывеска нашего политического быта, но все от большей гласности и большего Европейизма в формах, были бы какие-нибудь средства получить понятие о действиях ярмарки и основать на том свои соображения, выгодные не для одного любопытства, но и для самой общественной пользы. Теперь и самые купцы и правительство не имеют положительного познания о действиях и средствах ярмарки. Здесь каждый знает о себе, как в сражении офицер о действиях своей команды, но нет главнокомандующего, известного о действии целого, и нет политика, основывающего свои планы на последствия действий. Ярмарка не представляет никаких или весьма мало увеселений, приманок для любопытства праздношатающихся. Новое доказательство, что главный характер ее – европейский и образованный. Приезжие иностранные купцы здесь как бы случайно, и нет сомнения, что они со временем перестанут ездить, а для наших бородачей прихоти общежития не нужны. Я уверен, что ярмарка в Макарье была своеобразнее и живописнее. Здесь хотели китайскую картину

вместить в европейскую раму, азиатский кинжал в европейскую оправу, и нет единства. Торговля здешней ярмарки дома в балаганах. В лавках она в гостях и ей неловко. Зябловский в *Новейшем землеописании Российской Империи* (второе издание, 1818) говорит: что «количество привозимого на сие годовое торжище товаров простирается ежегодно до 5 миллионов рублей». Ошибка ли это от незнания или не позволено правительством было сказать истину?

9 августа мы поехали с прокурором. Теперешняя городская тюрьма деревянная и ветхая. Затворников около ста. Пересылочных далее не тут содержат. Нашли тут мальчика лет 12-ти. Он учился в семинарии, узнал, что у одного знакомого крестьянина, отъезжающего в деревню, есть деньги, рублей 30, уговорил его отвезти с собою к отцу своему, дорогою напоил его на свои деньги, и как тот крестьянин заснул крепким сном, два раза ударил его топором по голове, шапка спасла крестьянина от смерти.

Помещение дурное. Новый тюремный замок каменный еще не достроен. Ассигновано на него 218 000, но, кажется, еще потребно будет около ста тысяч. Должно, и половины не стоит. Строят его исподволь, уже третий год. Из комнат, назначенных для смотрителя, вид на город хорош. Отделения нижние, назначенные для важных преступников, будут, без сомнения, сыры и темны. Все делается из одного тщеславия и для одной наружности. Об истинной пользе и помина нет.

Оттуда полями поехали в Девичий монастырь. Город на правой руке. Виды на него хороши. Нижний, который на высокой горе, с дороги казался в долине. Девичий монастырь красив, опрятен, большая церковь еще не достроена. В ограде дорожки посыпаны песком, цветники.

Дорофея Михайловна Новикова, игуменья – приветливая, умная; говорят, красноречивая. Сказывают, что она переделала на русский лад историю Элоизы. Взаимная любовь связывала ее с пензенским дворянином. Согласились они поступить в монашеское звание. Долго уже после того она сделалась игуменьей, а он – архимандритом Израилем. Все у нее в монастыре делалось по его советам. Он жил у них, – но под конец разорились они.

Из монастыря поехали на место *Гребешек*. Вид чудесный в три стороны. Гостиный двор ярморочный как на блюде, но и мал, как сахарный. На горе часовня Алексея митрополита. Повыше монастырь, им заложенный. Алексей, недовольный первым приемом жителей, сказал, что здесь горы каменные, а сердца железные. Не понимаю, как избы ветхие торчат по горе и как не сносит их весною. Здесь гипербола Пушкина: «Домишка, как тростник, от ветра колыхал», становится правдоподобной.

Кирпичи, которых тысяча продавалась по 10 рублей до строения гостиного двора, возили до 20 экономическими мерами Бетанкура. Вольные кирпичники последовали казенной цене.

* * *

Дорога от Москвы в Пензу: 696 верст (по подорожной 695), по 5 копеек, кроме первой станции. Издержано всего дорогою 146 рублей. От Пензы в Мещерское 85 верст, на Елань. Скрипицыно. Проезжаешь имение трех Бекетовых. У Аполлона дом каменный с аркою на дороге, которая когда-нибудь сядет на голову проезжающего.

Выехал я из Москвы 12-го числа (декабря, 1827), в семь часов вечера. В полдень на другой день был во Владимире, ночью в Муроме, на другое утро поехал я на Выксу к Шепелеву, верст тридцать от Мурома. Едешь Окою. От него ночью вывезли меня на вторую станцию от Мурома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.